

Н а т а л и я
Т е р е н т ь е в а
К у д а у л е т а ю т
а н г е л ы

«Писатель не бывает начинающий или завершающий. Писатель или есть, или нет. Наташа Терентьева — писатель, которая пришла в литературу сказать свое слово. И дорога эта прекрасна».

ВИКТОРИЯ ТОКАРЕВА

Наталья Михайловна Терентьева

Куда улетают ангелы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6596716

Терентьева, Наталья Михайловна Куда улетают ангелы: [роман] :

АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081689-7

Аннотация

Сначала ты идешь вниз и вниз. Ты теряешь любовь, квартиру, счастье, работу. И потом, когда кажется, что уже ничего никогда не будет, что твой ангел-хранитель, уставший тебя охранять от всех бед, улетел навсегда, тебя кто-то или что-то резко вытягивает из омута. Или это ты вдруг понимаешь, что впереди – то, что ты сама себе сотворишь. Из ничего, из вчерашнего пепла. Чудо случается с тем, кто в него верит...

Книга издана в авторской редакции, орфографии и пунктуации.

Ранее книга издавалась под названием «Там, где трава зеленее»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	25
Глава 4	45
Глава 5	71
Глава 6	99
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Наталия Терентьева

Куда улетают ангелы

*«Не так уж и сложно – плыть против течения
дождя».*

Вера Павлова

Глава 1

А может, сделать так? Позвонить ему, сказать:

– Выгляни в окно. Видишь, вон там, под деревом, стоит босая женщина с ребенком? Это мы с Варей к тебе пришли.

Пока он будет вглядываться, подойти поближе с другой стороны окна и выстрелить.

Или не выстрелить. Перезвонить и сказать: «Не переживай, мы дома». И лечь спать.

Какие странные мысли лезут в голову... А был бы пистолет, может, и жизнь стала бы веселей?

Лена пошевелила затекшими от долгого сидения плечами и наклонилась, чтобы поднять завалившуюся бумажку из-под батареи. Вот, она, эта фотография, которую она так хотела порвать. Как хорошо, что она вчера ее не нашла. Вчера? Или это было позавчера?

Лена посмотрела на прогнувшуюся от тепла батареи фотографию и несколько раз больно стукнула костяшками

пальцев одной руки об другую. Не помогает... Ладно, иногда очень полезно поплакать, чтобы внутри рассосалась застоявшаяся, тянущая боль.

Она расправила фотографию. Вот и вся наша история. Все, что было с тобой, и есть моя жизнь.

Я не умею без тебя жить. Когда-то я ведь жила без тебя. Но я этого не помню. Пока еще ты везде, во всем – в каждой минуте прошлого, в боли настоящего. Но надо, наконец, понять, что теперь все будет без тебя.

Лена попыталась сосредоточиться на работе, открыла начатую вчера статью об известном актере. Минут пять она внимательно читала то, что сама написала, и ничего не могла понять. Все слова понятны, а в предложения не связываются. Она закрыла файл и стала смотреть, как на старинной заставке, которую так любит Варька, полетела сова, зажегся и погас свет в окне таинственного дома. Надо менять старый компьютер. И жизнь. Кажется, жизнь уже поменялась сама.

Лучше бы он помер, что ли... Хотя нет. Всю оставшуюся жизнь просидеть на кладбище – не самая веселая перспектива.

Как бы узнать про тех девчонок? Ведь если это правда – ей станет легче. Как сказала соседка? «Малолетки, одеты плохо, слова растягивают, ничего не поймешь. У одной в носу вот такая штука, а у другой – около пупка, и штаны, главное, спустила по самое это самое...» Конечно, блестящее колеч-

ко, протыкающее живую плоть, должно манить и притягивать взгляд. Цель – чтобы у смотрящего возникло чувство боли и неловкости. Хороший повод для знакомства.

Но уж лучше две маленькие глупые провинциалки с пирсингом, чем...

Лена, которая не может понять: а) что она только что написала, б) как унять слезы и нервную дрожь, и в) где найти силы, чтобы завтра утром улыбнуться дочке, – это я. Лена Воскобойникова, журналистка, Варина мама, несостоявшаяся жена Александра Виноградова.

Мне надо писать статью, я уже получила за нее аванс. А у меня в голове – одна-единственная фраза. Она крутится и крутится, и мучает меня уже не первый час.

«Переведите ее на все известные вам языки, – советуют психологи, – и она перестанет тешить ваше измученное сознание и уйдет. Если не знаете языков, постарайтесь переделать ее, сказать задом наперед, добавить в нее слов». Я пытаюсь:

Я знаю – он ушел из-за нее.

Он из-за нее ушел от нас с Варей.

Он ушел из-за нее, ради этой проклятой...

Не помогает. Но надо договорить, чтобы не сойти с ума.

Он ушел от нас ради своей сычовской свободы. Он одиночка. Он сын. Он вечный холостяк, не приспособленный к семейной жизни. Мне так легче думать.

Я не сразу поняла, что тихий урчащий звук – это звонок сотового телефона в режиме «тишина». Лежа на куче бумаг на столе, он дрожал, издавая настойчивое «бр-р-р-бр-р-р». Я глянула на обычный телефон, стоящий на полу. Конечно, я же отключила звук сразу у всех телефонов в доме, чтобы в кои веки раз уснувшая в девять вечера Варька не проснулась от случайного звонка. В нашей крохотной квартире любой телефон окажется близко к спящему.

А ведь еще три дня назад мы вместе с Сашей выбирали мебель для нашей будущей квартиры. Правда, ничего не купили, но внимательно рассматривали инкрустированных жирафов для прихожей и образцы фигурного паркета с коронами из темного тика, с затейливыми геометрическими узорами из мореного дуба, по которым так весело прыгать маленькими ножками детям.

Мне всегда хотелось жить в большой светлой квартире с окнами на восток, юг и запад – чтобы солнце весь день передвигалось из комнаты в комнату. И много лет я мечтала жить с Вариним папой. Не встречаться, не трепетать от встречи к встрече, не плакать одинокими вечерами, а варить ему бульон и гречневую кашу, наливать утром кофе без сахара, а вечером сидеть рядом на диване, думать зимой о совместных планах на лето... Иными словами – жить вместе. Но когда неожиданно прошлой осенью эти две мечты встретились и

стали осуществляться со скоростью шквального ветра, то я даже отказывалась верить. Так не бывает.

Всем было очевидно – он не собирался со мной жить. Только я отметала все доводы разума, пыталась повторить подвиг отчаянной девушки Сольвейг, прождавшей суженого семьдесят лет, и не верила, что это давно решенный вопрос. Иногда, в минуты растерянности, я думала – вот встречу однажды хорошего умного человека, у которого хватит мудрости оценить мой неженский ум и терпеть нелегкий характер, хватит смелости и денег, чтобы сделать мне предложение, и еще хватит много чего другого, чтобы я это предложение приняла. Я встречу такого человека, и история с Вариным папой будет закончена. Наконец! Или не встречу.

Телефон лежал тихо и опять задрожал в режиме «тишина», издавая настойчивый звук. Я покосилась на урчащую трубку и, увидев, что звонит подружка Неля, со вздохом ответила:

– Да.

– Не отрываю, Ленусь? Я на два слова. Я узнала, это точно. Их две. И знаешь, что?

– Да-да, Нель... Я слушаю... – Лучше бы я не поднимала трубки. Удивительно, даже милая Неля – с тем же самым...

– Лен, две даже лучше!

– Чем?! Ты имеешь в виду, что это точно не любовь?

– Ленусь, ты что... Я говорю, две учительницы в первом

классе вместо одной – это лучше. Не будет такого влияния, субъективности и вообще... А какую любовь ты имела в виду?

Я потеряла тикающий висок.

– Нель, ты прости, я сейчас не могу говорить. Надо срочно заканчивать статью, завтра сдавать. Я перезвоню. А две учительницы в начальной школе... Конечно, это хорошо придумано. Интересный эксперимент. Две учительницы – здорово, да...

Вот совсем некстати – напасть на скромную, застенчивую Нельку! Она бескорыстно и с удовольствием помогает мне с Варей, часто водит ее вместе со своими детьми в школу, в бассейн, берет к себе на целый вечер, когда я занята. Моя хорошая верная подруга. А я – неблагодарная и непредсказуемая. Такая непредсказуемая, что жених сбежал в аккурат перед покупкой супружеского ложа. С прикроватным столиком в виде задумчивого слона. Жених...

А как еще назвать отца моей семилетней дочери, если мы впредь собирались жить вместе – в большой квартире на десятом этаже в новом доме, с видом на Крылатские холмы. С панорамным остеклением, с просторными эркерами, с высоченными потолками, в доме со всеми приметами нового времени, которые даже тошно описывать, сидя в тридцатиметровой квартире нашей старой доброй панельки и глядя, как кто-то резво мчится в светлое капиталистическое будущее, в которое я, несмотря на свою прекрасную должность

в ТАСС, с большим трудом могла бы втолкнуть одну Варьку. А сама бы уж как-нибудь – с томиком Волошина, заложённым на одной и той же любимой странице уже много лет, с душой бывшей пионерки-комсомолки и двумя костюмами от итальянских кутюрье, малоизвестных в самой Италии, я пребывала бы рядом, жила бы дальше счастливо и спокойно. Мне вполне подходит ездить на троллейбусе и писать вполне честные статьи о славных служителях муз, и чуть менее честные – о тщеславных малообразованных политиках...

Все это было бы, если бы Варин папа, с которым мы дружили семь долгих лет, пока росла Варя, и еще семь лет до этого, вдруг не сделал мне предложения.

Глава 2

Поздним ноябрьским вечером Александр Виноградов, вечный мой любовник, он же единственный враг и лучший друг, а также законный Варин отец, пришел к нам домой, лег на ковер, позвал к себе Варьку, обнял ее и, не дозвавшись меня из кухни, прокричал на всю нашу маленькую квартиру:

– Милые дамы, я пришел к вам, чтобы сообщить пренеприятное известие! Вам придется теперь жить со мной! Всю оставшуюся жизнь! Собирайтесь! Покупайте платья белые для свадьбы, платья черные для приемов у нефтяных и колбасных магнатов и трусы пляжные для карибских пляжей! Также приглашаю безотлагательно посетить баню на моей даче! Она же отныне – и ваша! В этой связи совершеннолетние могут являться туда голыми и абсолютно счастливыми!

Я застыла с куском пиццы на лопатке, которую на скорую руку разогревала внезапно свалившемуся на ночь глядя Виноградову.

– Ленка! Не слышу громкого «ура»! Прись сюда, будь так любезна, оставь там всю эту ерунду! На новой квартире поставишь себе печь-скороварку! Варвара Александровна, а вы-то чего притихли? Хотя бы вы проорали трехкратное «ура», а? Три-пятнадцать!

«Ура» Саша проорал один, в тишине замершей квартиры. Для верности он спел еще куплетик «Шаланды полные ке-

фали...» и замолчал. Я пришла, села перед ним на диван и спросила:

– А если я тебе отвечу: «Ой, моряк, ты слишком долго плавал»?

– Ерунда! – ответил Александр Виноградов и приподнялся, чтобы притянуть меня на ковер. – Иди-ка к нам, морячка. Ты заслужила отдых. Ты будешь теперь холеная и ленивая, и сытая, и... еще не знаю, какая. Какой хочешь, такой и будешь. Давай, найму тебе домработницу, садовника, шофера, вернее, шофершу, садовницу, и еще кого? Всё к вашим ногам.

– А что, собственно, случилось? – спросила я, пытаюсь понять, насколько пьян Саша. – Ты резко разбогател?

– Я давно разбогател, ты же знаешь.

Саша, судя по всему, был пьян в меру.

– Ты разочаровался в свободной любви? Или ты едешь по-словом в Мавританию, и тебе нужна семья для дипломатического статуса? А может, ты просто проспорил или проиграл свое холостяцкое счастье?

– А! – Виноградов вытянул перед собой руки и хрустнул суставами. – Ой, как обидно, когда девушка высокая и фигуристая, а такая дура. А если она к тому же ваша избранница... Хотите мое мнение? Вам надо меньше писать глупостей и больше варить борщей на телячьем бульоне. Я просто хочу с вами жить. С тобой, Ленка, и с моей любимой единственной дочерью Варварой. Не порть мне настроения. Дай лучше

поесть. Чего-нибудь повкуснее. Кроватки подойдут. Знаешь, как моя мама готовит? С чесночным соусом? Не знаешь, конечно. Ну, любое давай. И пошарь там сбоку в холодильнике – водка моя осталась?

Я пожала плечами:

– Я вообще-то твоей водкой ложки протираю. Для дезинфекции. И всякое другое.

– Ой-ёй! – застонал Виноградов, и стал целовать Варьку, которая лежала у него на плече, поглядывая на меня счастливыми глазами. – А всякое другое, – он понизил голос, – это какое?

– Варька, а ну-ка отлипни от этого человека, – я подергала ее за ровную ступню с папиным оттопыренным большим пальцем. – Он ни уши, ни руки не помыл, лезет с ребенком обниматься.

– Ребенок – это ты, моя красота, – пояснил Саша и смачно чмокнул Варьку в ухо. – Сейчас вот как съем с майонезиком! – вспомнил он шутку, которую всерьез воспринимала маленькая Варя и закрывала ручонками лицо, слыша эти слова.

Они стали возиться, хохотать, а я ушла на кухню и села на стул.

Главное – не принимать на веру. Не радоваться. Не дать вероломному, ненадежному, обманчивому счастью вползти в глупую душу и расположиться там, выгнав все сомнения, все доводы разума, всё то грустное и горькое знание жизни

в общем и Саши Виноградова в частности, которые сейчас хором кричали:

«Выгоняй его к чертовой матери! К едрене фене! Как угодно и куда угодно, лишь бы он не обманул тебя снова! Тебя – ладно! Лишь бы он не обманул Варьку! Маленькую, хрупкую Варькину душу! Он поиграется-поиграется и – наиграется! Ему надоест, как надоедает всё и вся в этой жизни! Как надоедала ты сто пятьдесят раз! А вам с Варькой будет больно и плохо! К чертям собачьим выгоняй! Немедленно!»

– Саш, давай-ка домой! – сказала я, войдя в комнату, где буйное веселье сменилось тихой нежной идиллией. Варя собиралась соснуть прямо на ковре в объятиях ненаглядного для нас обоих Александра Виноградова. А Саша, обняв ее, смотрел на меня томными и очень честными глазами.

– Я машину отпустил. Костя поставит ее в гараж. Завтра за мной приедет.

– Хорошо, я вызову тебе такси.

С едва заметной паузой Саша спросил:

– Так, где мои кровати и моя холодная водка? В маленьком стаканчике с кусочком лимона? Где твоя короткая джинсовая юбка с рваными краями... или нет, лучше платьишко то надень, темно-синее, английское что ли, шелковое такое, скромное... а остальное можно снять... – он покосился на громко и ровно сопевшую Варьку. – Что за день у нас сегодня?

– В смысле?

– В смысле способности к деторождению. Благоприятствует?

Я не успевала отвечать, я не успевала радоваться или сердиться. Шквал под именем Александр Виноградов, наглый, жестокий в своем вечном эгоцентризме, и тем не менее неотразимый, смял не только наивную и трепетную Варьку, но и умную, осмотрительную в отношениях с нашим ближайшим родственником и достаточно – чтобы не терять контроля до конца! – достаточно бестрепетную меня.

– Что вам благоприятствует, нам препятствует, – сказала я и не сбросила его руки, которыми он обхватил мои лодыжки и плавно поскользился наверх.

– Не слышу ничего, – Александр Виноградов изловчился и одним движением сам переместился в наше огромное кресло и перенес туда меня. – Бедная девочка уснула на полу, – он кивнул на успевшую разметаться во сне Варьку и крепко обнял меня. – Я не понял, что вы сказали? День благоприятствует зачатию Максима Виноградова или нет?

– Благоприятствует, – ответила та дура, которую моя мама назвала при рождении Елена, что у древних греков означала – «сверкающая».

Сверкающая дура.

* * *

Я такая, какой была всегда. Чего ты не мог вытерпеть?

Что нового ты узнал обо мне – такого, чего не знал раньше? Что такого, с чем нельзя жить? Я не зануда, не хулиганка (не бросаюсь ботинками, кастрюлями, не сквернословлю да и вообще почти не ругаюсь). Я могу накричать на Варьку, но ты не слышал этого ни-ког-да. Ведь правда?

Я не грязнуля, не лентяйка, не ханжа и не чудачка. Я не алкоголичка, я не пью водку и вообще почти не пью, потому что плохо себя чувствую от спиртного, я не курю и не люблю никого из мужчин, кроме тебя.

Возможно, у меня не самый лучший характер. Но разве ты этого не знал лет десять по меньшей мере? Что я упорно не понимаю преимуществ гражданского брака...

Да, я тебя ревновала – интеллигентно, – когда видела волосы разного цвета у тебя в ванной. Женские (надеюсь, что только женские), длинные и короткие волосы, прилипшие к раковине – каштановые, рыжие, крашеные, протравленные химией, двуцветные, зеленые... Ты раздраженно говорил: «Где ты их только находишь? Это же домработница моя, Марина, все перекрашивается...»

Да, я не всегда верила твоим внезапным отлучкам и командировкам, иногда не совсем вовремя звонила на работу со своими упреками и слезами.

Основной формой моего протеста был уход. Я собирала вещи и уходила – с твоей дачи, из твоей холостяцкой квартиры, в которой по углам были затолкнуты узелки и пакеты с Варькиными запасными колготами и моими шелковы-

ми ночными рубашонками. Наверно, надо было однажды кинуть в тебя кастрюлей со свежесваренными щами. Нет, лучше с борщом. А я уходила. Молча. Раза четыре за все эти годы. И если ты не бежал вслед – что бывало, но не регулярно, то через пару дней или пару недель – по степени обиды – очухивалась, думала-думала-думала и приходила к выводу, что виновата сама. Если ты и дальше не делал попыток меня вернуть, то вывод был – точно виновата сама и во всем. И приходила обратно.

Но если бы я всего этого не делала, если бы я хоть как-то не протестовала, я бы просто не дожила до своих лет – ангелы так долго не живут, – то есть не задерживаются на земле. Я не ангел, я многое делала неправильно. Но я давала тебе столько любви, надежности, верности – больше для одного просто человека не бывает.

Я всегда принимала тебя – после всех твоих измен и долгих разлук. Прощала и почти не упрекала. Я понимала, как горько и страшно мужчине стареть – ничуть не менее страшно, чем женщине. А может и более. Ведь никакая пластическая операция не вернет молодецкого задора и бодрости...

Я жалела и уважала тебя, я восхищалась тобой больше, чем ты этого заслуживал. Я знала все твои слабости и старалась, несмотря на них, видеть в тебе сильного мужчину. Я преувеличивала сама и обращала внимание окружающих на твои сильные стороны – такие немногочисленные. Я считала твою скупость бережливостью, твою трусость – осторож-

ностью, циничность – остроумием, а похотливость, развращенность и неразборчивость называла активным стремлением природы к воспроизводству с помощью тебя, любимого множеством женщин, природой и судьбой.

Я любила тебя, тебя одного всю свою сознательную жизнь. И я смирилась с мыслью, что никогда не буду с тобой вместе жить. А потом с таким сомнением, с таким трудом поверила, что – буду.

Похоже на панегирик, правда?

Я оторвалась от монитора – там легкое начало статьи о прекрасном актере «Современника» буксовало о третью строчку, и взглянула на упрямо бурчащий телефон. Саша. Александр Виноградов. Трубку снимать не надо, потому что больно.

– Алё, – вздохнула я.

– Надо бы деньги дочке передать. Как вообще дела?

А почему у тебя такой мерзкий голос?! Хотелось крикнуть мне. Почему?! Разве это тебе сделали плохо? Разве тебе сейчас больно, невыносимо больно?

– Передай, – ответила я. – Дела – плохо.

– А-а-ах, – Виноградов зевнул. – Почему?

Потому что ты мне сердце разорвал, жизнь всю перекурочил, девчонку мою трепетную и нежную, Варю, росшую с отцом и без отца, так бесконечно тебя любящую, обманул – опять! Поэтому – все плохо! Очень плохо!

– Пришли шофера с деньгами.

– Ага, – отозвался Саша и отключился, собака.

Девочки, дорогие девочки, молодые и чуть постарше!..

Могла бы сказать я. Не доверяйте мужчинам своих детей, своих сердец и своих единственных жизней! Любите их чуть больше, чем салат с крабами и хорошее французское вино, но меньше, чем весеннее утро, чем выращенные вами цветы и гораздо меньше, чем неумелые рисунки ваших детей и глаза ваших неумолимо готовящихся к уходу матерей.

Я бы имела право это сказать, если бы я сама...

Сверкающая дура, одним словом.

* * *

Весь первый месяц после судьбоносного предложения Александра Виноградова стать моим мужем будущий муж трогательно справлялся о целесообразности интимных отношений с точки зрения продолжения рода – его рода, и при этом оставался в своих желаниях романтично-нежен и изящно-извращен, как всегда. Потом подошло время завершения «лунного цикла». Я была беременна – знала, чувствовала, была уверена я. И он тоже. Ведь он старался! Он вкладывал в это любовь и нежность, он отдавал себя!

– Да... А я так старался...

На Сашу жаль было смотреть, когда в магазине на его глазах я, стесняясь и ненавидя себя неизвестно за что, бросила

в тележку упаковку гигиенических пакетов.

– Мне очень жаль... – почти искренне сказала я.

Хотя, если честно, в первый месяц я вздохнула с облегчением. Потому что мне не давала покоя мысль о том, что я слишком многим рискую, решаясь на это.

– Саша, ну я не могу так, давай хотя бы обвенчаемся... Все-таки второй ребенок...

– Вот так вот смело, да? – ответил мне Александр Виноградов, не боясь, что я не пушу его в следующий раз. Но ночью того же дня пообещал мне: – Ленка... Ну приду я к тебе, как положено, к букетом белых роз и сделаю тебе предложение, только ты не торопи меня, ладно?

– Ладно, – ответила я и почувствовала: вот оно, долгожданное.

Я так много лет этого ждала. И никто не понимал, почему я всё жду и жду, вопреки всему. И вот теперь я знаю точно – я свое счастье выстрадала, я его не разменяла ни с кем другим, и я – дождалась.

Когда я не забеременела на второй месяц, Александр Виноградов рассердился и временно нас покинул. Я плакала, Варька плакала, как обычно, вместе со мной, не зная, отчего я плачу.

Я ходила с опухшими, надутыми веками и каждое зеркало мне напоминало: «Вот такая беда с тобой приключилась, вот такая гадость и несчастье в одном лице. В том самом нена-

глядном когда-то лице, ускользавшем от тебя столько лет и наконец так ловко ускользнувшем».

Потом я сделала над собой усилие, закончила просроченную, но очень удачную статью о Большом театре, заработав две копейки, которые потратила, не доходя до дома. А через пару дней получила дорогой заказ от почти приличного мужского журнала «Русский размер». Мне предложили написать об известном драматическом актере лирическую белиберду, не имеющую никакого отношения к его настоящей жизни.

Я увлеклась этим заказом, потому что люблю трогательного Женю Локтева с его смешным носом и фантастической способностью наполнять любые, даже самые пустые роли каким-то тонким, глубоким смыслом. И мне ужасно мешало смотреть фильмы и спектакли с ним то, что я о нем знала. И знали все.

Поэтому я с удовольствием наврала на пять страниц с фотографиями о его якобы существующей в природе жене, о его сугубо мужских пристрастиях и простой, не искалеченной славой и бессмысленной однополой любовью жизни. Я была довольна. Я сама почти поверила в то, что написала.

Женя пригласил меня на свой новый спектакль. После спектакля я с некоторым напряжением пошла с ним в ресторан, его же собственный. Дома меня ждала Варька, которая никогда не засыпает без того, чтобы крепко не ухватиться за мою руку и не прижаться ко мне своей прекрасной нечесанной головой.

В ресторане мы сели на самое лучшее место, которое может занимать только сам Женя или же очень дорогие гости, – столик с видом на ночную Москву, на джаз-оркестр, и на стенку, где, присмотревшись, в абстрактной мозаике можно было узнать знаменитый профиль Жени.

– Тебе действительно понравился спектакль? – спросил Женя.

– Мне понравился ты и одна молоденькая девочка. А спектакль – умная холодная схема, – ответила я и в этот момент увидела, как в зал вошел Александр Виноградов.

Он небрежно обвел глазами зал и пошел к столику около окна. Сев, он столкнулся глазами со мной. Секунду смотрел, оценивая моего спутника, потом сыграл все, что только мог: возмущение, удивление, восторг моим выбором, ужас от него же. Потом встал, чуть поклонился и опять сел. Я вздохнула.

– Скучно? – не так понял меня Женя. – Сейчас все принесут.

– Да нет. Просто там мой... родственник сидит, кривляется. Мне стыдно за него.

Женя обернулся.

– А это случайно не тот банкир, которого недавно неудачно подстрелили?

– Тот. Только не подстрелили, а хотели украсть. Но довели только до ближайшего поста ГИБДД, там похитителей и поймали.

– А, да-да, точно! А он еще по телевизору рассказывал, что у него вживленная в спину кнопка срочной связи с милицией. Это что, правда?

Я отмахнулась.

– Такая же правда, как то, что ты – мой любовник, к примеру.

Женя засмеялся, но я поняла, что из-за дурацкого появления Александра Виноградова я только что не очень ловко пошутила со звездой российского театра и кино. Саша выпил рюмку текилы, нарочно по-хамски облизав соль с ее краев, и ушел, показав мне большой палец, только почему-то повернув при этом руку вниз. По-моему, этот жест означает в боксе «опустить партнера», то есть добить его, но что конкретно имел в виду наш с Варей обожаемый родственник, я не поняла.

Зато отлично поняла его звонок на следующее утро.

– В семь за вами приедет Костя. Я жду вас в «Гнезде глухаря».

– Господи, а что я там забыла, в этом гнезде?

– Ты, может, и ничего, а я собираюсь послушать Трофима.

В вашем присутствии.

Как же некоторые мои недавно и скоропостижно разбогатевшие соотечественники, еще ни разу не отсидевшие, нежно любят блатной и приблатненный фольклор, лагерные заунывные песни и тюремные частушки.

«Ты меня бросила, девочка милая, ведь за решеткой те-

перь до могилы я».

Почему любят? Готовятся? Боятся? Рады, что избежали? Что касается Александра Виноградова, то, замечая у него эту склонность, я злорадно радовалась: «А-а-а, вот и прокололся ты, псевдомосковский псевдоинтеллигент!» Уроженец деревни Марфино Московской области.

К слову, ничего плохого в деревне Марфино нет. Там вообще ничего уже нет. Там плотной кучей стоят дешевые новостройки, заселенные налетевшими в Москву жителями разоренных русским капитализмом маленьких провинциальных городов и семьями азербайджанцев, где про количество детей отец отвечает: «Пят... нэт, шест... нэт, шест у барата моего, у меня – пят!»

Все плохое и хорошее есть в Александре Виноградове. Плохое заставляет меня проклинать его четырнадцать лет, которые я его знаю. А хорошее – жить с ним все эти четырнадцать лет.

Глава 3

Когда я не забеременела на шестой и на седьмой раз, Саша Виноградов стал посмеиваться. Что является страшным знаком для всех, знающих его близко. Я занервничала. На восьмой месяц попыток пошла-таки к врачу. Милая врач Анна Васильевна с некоторым подозрением спросила меня, сверяясь с лежащей перед ней карточкой:

– А-а... сколько, простите, Елена Витальевна, вам лет полных?

– Тридцать семь.

– И у вас есть, кажется, дочь?

– Есть, – я понимала, что она сейчас скажет.

Именно то она и сказала, сначала:

– Поздно. Зачем? Не искушайте. Если стимулировать, могут всякие неприятности быть... А у него-то, кстати, у самого все в порядке?

Вот. Что-то об этом я забыла, имея в виду его скандальные подвиги по всей Москве и, не сомневаюсь, за ее пределами.

– Пусть проверится, – Анна Васильевна вопросительно посмотрела на меня. Мне показалось, ей хотелось спросить, женаты ли мы.

– Ой, вряд ли он пойдёт... Он – романтик... гм...

– Этого дела, – смеясь, подсказала симпатичная Анна Васильевна и так и не спросила о моем нынешнем статусе.

Он, скорее, проверит это с другой – подумала я. Чем сдавать свои драгоценные клетки в пробирке. Получится, так получится, «так фишка выпала» – любимое Сашино правило.

– А вот скажите... Как бы вычислить так, чтобы зачать мальчика? – Я понимала, что для взрослой женщины это не просто идиотский вопрос. Это вопрос слабой, жалкой женщины, полностью зависимой от дурака, который хочет мальчика, чтобы...

Попросите хотя бы одного мужчину продолжить эту фразу – зачем ему именно мальчик. Запишите результат. Спросите другого. Тоже запишите. Получите готовый эпиграф к феминистской дискуссии: «О глобальной вреде мужчин в обществе, их глупости, самовлюбленности, эгоизме и вырождении».

К огромному сожалению, я не феминистка. Я горжусь своим дипломом факультета журналистики МГУ. Но точно знаю, что на самом-то деле рождена, чтобы быть хорошей хозяйкой и прекрасной женой, внешне похожей на любовницу, а внутренне – на идеальную подругу, терпеливую, верную, гибкую, прощающую баловство и хамство, уважающую его глупости, капризы и его мать, у которой едет на бок лицо, когда она видит меня.

Рождена-то рождена, а живу всю жизнь одна. И хожу при этом с «замужними» глазами. И жду неделями Сашу Виноградова, последние семь лет оправдывая себя тем, что он –

Варькин отец. И ухожу от него «со всеми вещами» и глупой надеждой, что отец моей дочери вернет меня и попросит стать его женой.

Мне так важен статус... Мне так надоело быть просто «Вариной мамой»...

– Это моя дочь Варя! – говорит Виноградов, представляя нас. – А это гм... это Варина мама.

Иногда обходится без «гм» и без «мамы». Мама, то есть я, стоит рядом и улыбается от радости быть Вариной мамой и вообще... Рядом с Вариним папой, забывающим ее представить хоть как-то.

Надо быть честной. Саша Виноградов называет меня порой «my wife» – обращаясь к иностранным официантам, не знающим ни одного языка. А у «my wife» в это время каждый раз сладостно замирает сердце, и она, эта ничья вайф, опускает глаза, чтобы ненароком они не задали лишнего вопроса, припирающего свободного человека к стенке.

– Так это он, ваш... муж хочет мальчика? – спросила меня Анна Васильевна.

– Ну да.

– Скажите ему или просто сами имейте в виду, что для этого надо иметь хотя бы один мужской ген – это раз. И как минимум одного живого сперматозоида – это два.

– Спасибо, – улыбнулась я.

Анна Васильевна, похоже, увидела мое растерзанное со-

стояние и решила меня подбодрить.

– С другим попробуйте, – тоже улыбнулась Анна Васильевна.

Всю дорогу домой я пыталась представить себе этого другого, но дальше темных глаз Александра Виноградова, которые превращаются у «другого» в... допустим... светлые... я ничего не придумала.

Через год наших попыток Александр Виноградов стал делать кислое лицо, когда я пыталась заговорить о том, что «вообще-то мы опять пропустили те самые четыре дня...»

– Почему все беременеют просто так, залетают! А у тебя какие-то дни...

– Ну потому что...

Я попыталась, и очень глупо сделала, терпеливо объяснить мужчине биологию зачатия:

– Понимаешь, мужские клетки живут всего два дня. И яйцеклетка, готовая к оплодотворению, держится в таком состоянии тоже всего два дня...

– Ой, – сморщился Александр Виноградов, – как бы мне не стать... даже произносить не хочу кем... тьфу-тьфу-тьфу... от таких ваших разговоров!

И, наконец, настал день, когда после благополучно проведенного интимного мероприятия, удовлетворенный Александр Виноградов вдруг сказал:

– Я сейчас деньги получу – наличку... Которые мне никак не отдавали – помнишь, еще в прошлом году брал у меня Лёха, из Питера... Вот, можешь взять сколько надо и журнал свой открывать. Ты же все хотела...

– Как журнал... А ребенок?

– Который из них? – Александр Виноградов смотрел на меня со своей самой страшной улыбкой.

– Тот, которого мы хотели родить. Я ведь ходила сейчас на рентген...

– Ты же сказала, что в этот раз не очень больно было.

– Не очень. И у меня оказались всё в порядке. И наладился гормональный фон...

– Ну и славно. В конце концов, журнал не помешает тебе рожать.

– Как не помешает?! Если я займусь журналом – это же исключено!

– Ну исключено, так исключено, – снова улыбнулся он.

– Саша... Ты что, не хочешь больше ребенка?

Я прекрасно понимаю, что это изначально проигрышная позиция по отношению к мужчине, количество мужских генов которого вызывает сомнение даже у районного гинеколога.

Саша Виноградов тяжело вздохнул.

– Хочу. Двоих, троих, четверых...

– Всех – от одной женщины? От меня, да?

– М-м-м... не припирай меня к стенке, Воскобойникова.

Со мной так не получится. Даже у тебя.

– Саша...

– Родинку вот эту надо тебе удалить. Некрасиво.

* * *

– Лен! Воскобойникова! К Харитонычу! Вера Петровна просила тебя найти!

Люда могла бы орать и потише. Хотя она часто служит рупором у секретарши Харитоныча, важной советской секретарши Веры Петровны, давно уже привыкшей суетливые функции перекладывать на всех желающих, в основном новеньких. Людин громовой голос с украинской грудной волной, рождающейся в недрах колоссального бюста, слышен был до первого этажа. Что меня искать – я сижу за своим столом и пишу слово за словом, скучно и правильно. Слова по порядку, минимум вводных слов, нейтральный тон, в предложении не более девяти слов. Образцовый стиль.

Я дописала строчку и спокойно отправилась к Харитонычу. За несколько лет работы в ТАСС Харитоныч ругал меня, кажется, один раз – когда я с недолеченной простудой вышла на работу. Харитоныч – однокурсник и друг моего отца. Но главное он – тот самый блат, по которому я попала на работу в ТАСС. С первого дня он меня опекал, больше, чем надо, хвалил, определял мне самые интересные темы и хорошие премии к праздникам. Я с легким сердцем вошла к нему в

кабинет.

– Добрый день, Николай Харитоныч!

– Присаживайся, Воскобойникова!

Я внимательно взглянула на него и осталась стоять.

– Я слушаю вас.

– Да нет, это я вас слушаю! Воскобойникова!.. – он крикнул, прокашлялся, поерзал и сказал другим тоном. – Ладно, садись поближе. И скажи мне, старому дураку, что такое «русский размер»? Это что – очень большой размер? Или какой-то не такой, как у всех?

– Это... – Я поняла, наконец, причину ярости Харитоныча. Статья про Женю Локтева. В мужском журнале.

– Не надо! Ничего не говори! Это – порнографический журнал! Где печатаются мои журналисты и гордо подписываются «собкор ТАСС». Надо же – собкор ТАССа и порножурнальчика одновременно!!!

– Николай Харитонович...

– Не надо! Не надо! Мне уже позвонили, сказали!.. Я понимаю, если бы кто-то еще... Но – ты? Я что, для этого тебя столько лет тащил? Чтобы ты позорила, поганила, можно сказать...

Мне вдруг стало душно. Душно и плохо. И ничего больше не надо.

– Я пойду, Николай Харитоныч.

– Куда это ты пойдешь? Ты пойдешь тогда, когда я тебя... Да ты что же, решила, что тебе все можно?..

Мне показалось – что-то горячее разлилось у меня на одном виске, плавно перетекло на лоб и стало опускаться на другой висок, больно давя при этом на глаза.

– Я, наверно, вообще пойду.

– Ой, смотрите-ка!.. Думаешь, держать стану? Да иди ты ради бога! Иди! На постоянную работу в «Русский размер», что ли?

– Я вообще работать не хочу больше. Я замуж выхожу.

– Здравсьте, нате вам... Ты... ты подожди... Лена!.. Ну ладно, погорячились... При чем тут замуж? Выходи ради бога... А за кого ты выходишь?

Я знала, что нельзя так уходить. Но ушла, потому что мне стало совсем плохо и нечем дышать. Я подумала, что надо, наверно, пойти сдать кровь или сделать какой-то анализ головы, что ли... Томографию или как это называется... Потому что мне уже второй раз так плохо становится в душном помещении. Раз я не беременна – а я, увы, точно не беременна, – то, значит, я чем-то больна.

– Саша, я уволилась с работы, – сообщила я вечером по телефону Александру Виноградову, с которым, как обычно, мы встречались по вдохновению.

В основном, по его вдохновению, разумеется. То два раза в неделю, то уезжали на выходные на дачу, то жили по три дня у него в Митино. Сейчас он, видимо, только пришел домой – к себе, открыл бутылку ледяного пива, разодрал па-

кетик с сушеными кальмарами, похожими на вонючие соленые тряпочки, которые завалились под раковину и там высохли... Саша набрал полную горсть тряпочек, поднес ко рту запотевшую бутылку, открыл рот... А тут – я.

– Да-а? – переспросил Саша. – Уволилась? – и громко булькнул пивом. – О-ох... хорошо...

– Ну да... Ты же говорил, чтобы я сидела дома, была холеной и спокойной, а не дерганой и замотаной...

– А, да... Слушай, я сейчас баскетбол смотрю, я перезвоню, – ответил он и отключился.

У меня чуть-чуть заскребло на душе, но совсем чуть-чуть.

На следующий день Саша, похоже, дома не ночевал, а еще на следующий позвонил и пригласил нас с Варькой ужинать в ресторан и там, между делом, обмолвился:

– Один человек просит продать ему мою квартиру...

– Ты продаешь свою квартиру в Митино? – Я не очень удивилась, он уже не раз говорил об этом и при этом делал каждые два года там ремонт. – И сразу начинаем ремонт нашей новой квартиры? Звонить архитекторам? Я сама, кстати, нарисовала кое-что, хочешь посмотреть, у меня вот тут в сумке чертежи...

– М-м-м... ремонт, да-а... вполне вероятно... Но мне нужна еще квартира в центре, чтобы я вечером мог упасть на диван, выпить пива и уснуть не через два с половиной часа после работы, промучившись по всем пробкам, а через двадцать минут. Вышел из банка, прогулялся пешочком, под-

нялся на второй этаж...

– То есть ты уже нашел такую квартиру?

– Ну, в общем да...

– А... – Я не сразу могла сформулировать весь свой протест в какой-нибудь внятный вопрос. – Но... мы же собирались... хотели жить вместе?

– А мы и хотим жить вместе. Разве что-то изменилось, оттого что я иногда – подчеркиваю, иногда! – буду оставаться на ночь в своей личной квартире в центре?

– Сколько там будет комнат?

– Три, – четко ответил Саша и показал мне на пальцах. – Айн, цвай, драй! Ферштейн?

– Зачем тебе так много? – Я понимала, что раунд длинной в последние полтора года проигран с разгромным счетом, но все-таки продолжала. Надо было понять, что происходит, раз сегодня он готов отвечать на вопросы. Это большая редкость.

– Ну... – Саша улыбнулся, – чтобы вы могли с Варькой приезжать ко мне в гости... иногда... на воскресенье... как сейчас приезжаете в Митино и на дачу.

– А как же наша новая... ну то есть... эта огромная квартира, где мы собирались... собирались жить? Ты, что продал ее? Ты не будешь ее ремонтировать?

– Буду, только не все сразу. Я же не граблю банки, я просто ими управляю. И потом... Мне что-то этот дом перестал нравиться. Охрана там паршивая... и будем мы там самые

богатые, что очень плохо – на Варьку кто-нибудь глаз положит, как на хороший источник заработать, у папочки денег много...

– Господи... ты о таком думаешь?

– А ты нет? Плохо... – Он не шутил, он отчего-то злился. – Кстати, дальше по Хорошевке еще дом строится, прямо у Серебряного Бора – красота... там будут нормальные квартиры... Метров по триста. Вот там, наверное, будет лучше. Нормальный комфорт. Всем нам удобнее. Ну, ты понимаешь. Что мы будем ютиться, в самом деле!

Я смотрела на него и пыталась понять – верит ли он сам в то, что говорит.

– Саша... Тот дом когда еще построят! Там яму для фундамента только роют... А я хочу жить сегодня, ну завтра, по крайней мере! Ты же сам это говорил. И потом, я ведь буду с малышом, надо жить в отремонтированной квартире, а не носиться с бригадами маляров и штукатуров...

– Лен, ведь не получается же у тебя... И не надо.

Я посмотрела на Варю, которая, как обычно, вынужденно присутствовала при всех наших разговорах. Варя внимательно смотрела на Сашу, который за этот год приучил ее к мысли о «братике». «Или сестричке»...

– Варюша, я видела у входа автомат с мягкими игрушками, сходи поиграй, может выиграешь какого-нибудь мишку, а? Или собачку...

Варя глянула на меня с сомнением – не просто так я разре-

шаю то, о чем обычно приходится ей просить, – взяла деньги и ушла, оглядываясь на нас.

– А может быть, это у тебя не получается? – решила я на сей раз не беречь своего ранимого друга.

– Мне надо провериться? – совершенно неожиданно спросил романтик секса.

– А зачем? Если ты говоришь, что «и не надо»?

– И то правда, – как-то уж слишком просто согласился он. – Тем более что нервы ты мне так измотала...

– Саша... – Я глупо пыталась остановить то, что, по всей видимости, было запланировано и подготовлено. – И это говоришь ты...

– А кто уехал с дачи под самое Рождество? Я что, для этого торчал с вами на даче, пока нормальные люди отдыхали с девочками на островах, чтобы демарши твои терпеть? Всё Рождество мне испортила, вернее, попыталась испортить... А кто летом в Турции ходил узнавать, сколько стоит билет до Москвы?

– Но ты же нахамил мне на даче, и даже не нахамил, а... Ты же помнишь, что было... И в Турции безобразничал... Или нет?

– А! – отмахнулся Виноградов. – Чушь собачья! Детский сад!

– То есть... – Я смотрела на него, а он – на меня.

Он ждал. Я по сценарию должна была быстро всё сообразить, обидеться и сказать: «Всё! Я обиделась! До свидания!»

Я решила потерпеть. Подождать, что предложит автор и режиссер нашей с ним совместной жизни.

– То есть ты меня достала, – сказал автор, с подозрением глядя на меня. – Слушай, плачь дома, а? Не здесь. Неудобно.

Я и правда, почувствовала, что начинаю совершенно некстати переживать. И постаралась взять себя в руки.

– Понимаешь, Лена, я уже даже не знаю, в какой форме нам жить...

– А мне кажется, что жить можно только в одной форме – жить вместе или не жить.

– Бывает по-разному... – он прищурился, не глядя на меня.

– Ты имеешь в виду жесткие жизненные обстоятельства – тюрьма, дальнейшее плавание? Да, тут никуда не денешься. Садись в тюрьму, я буду тебя ждать.

– Ага, сейчас! – Он залпом допил виски.

– А всё остальное, все остальные формы совместной жизни, Саша, – это лукавство. Не видеть друг друга каждый день, чтобы не надоедать друг другу? «Как же мы будем друг без друга? – Как друг без друга».

– Чего-чего? Я тебя умоляю, только не надо писать стихов. У тебя и без этого заморочек хватает.

– Это Вера Павлова. Поэтесса очень хорошая...

Он отмахнулся.

– Вот и читай ее, а меня не доставай.

Он несколько секунд помолчал. А потом вдруг рыкнул, ни

с того ни с сего:

– Достала. Достала!..

– Саша...

– Достала! Прижимаешь к стенке!

– Нет, но я действительно хочу знать. Я не могу больше жить в иллюзиях и неведении...

– Что? Что надо от меня?

– Хочу знать – ты не хочешь больше с нами жить?

– Не хочу. Ты меня достала.

– Чем?

– Не важно.

– Ладно. И не хочешь больше второго ребенка?

– Не хочу. Опять будет, как с Варькой. Сначала человек родится, а потом мы уже будем разбираться, можем ли мы жить вместе.

– У нас для этого было четырнадцать лет, Саша...

– Вот именно. Варенька... – Саша посмотрел на Варьку, которая вернулась с выигранным мишкой и в растерянности стояла у стола, не решаясь ни сесть, ни что-то сказать. – Ты особенно маму не слушай, она глупости говорит.

– Зря я тебе поверила, когда ты пришел и лег на пол и предложил жить вместе... То есть я ведь тебе не поверила, ты помнишь?

Виноградов поморщился.

– Лена... Ну я тебя прошу... Умная женщина... Бразильский сериал закатываешь... Поверила – не поверила... Не

надо было верить! Всё, душа моя, всё. Мы оба измучены.

– И?..

– Ты же сама все понимаешь. Вот и скажи.

Я встала, взяла Варину кофточку, саму Варю с новой игрушкой и ушла. Потом вернулась.

– Это всё, Саша.

– Ну всё, так всё, – легко ответил тот, с кем я собиралась прожить оставшуюся жизнь. – Слушай, неудобно, человек поет про свое наболевшее... Послушай, песня какая классная... А ты стоишь и чего-то хочешь от меня.

– Саша... – Повинуясь непонятному импульсу (я действительно не думала об этом уже полтора года, у меня не было причин на это), я спросила: – У тебя другая?

– А у тебя? – Александр Виноградов взглянул на меня серьезно и строго.

– Господи... У меня – нет. А у тебя?

– А у меня есть другая женщина. Всё? Или еще что-то хочешь услышать?

Я смотрела на него, а он – на музыкантов, играющих негромкий блюз. Девушка с очень черными блестящими волосами с душой пела по-английски. Если бы Виноградов понимал слова, он бы очень удивился – как кстати.

«I will say 'Good-bye', I will walk away, I will not look back, for I've heard you say... More than just 'good-bye', more than 'farewell', it will be as if we'd never met...» Я скажу «пока» и уйду. И всё будет так, как будто мы и не встречались никогда.

Наивная и трогательная режиссура жизни.

– Теперь всё. Нет. А как же Варька? Ты ведь говорил ей: «наша дача», «наша семья», «наша квартира», ты показывал ей комнату, где она будет жить...

– Не надо меня шантажировать Варькой. Она еще ничего не понимает. Мало ли люди расходятся... Ты что-то еще хочешь спросить, Лена?

– Она намного моложе меня?

– Она моложе тебя.

– Она лучше, чем я и Варька?

– Фу-у-у... Нет, вы лучше всех.

– Тогда зачем тебе это надо? Я ни о чем не прошу. Я не понимаю.

– Когда я сам пойму, я тебе позвоню, идет?

– А мне пока что делать?

– Тебе? Работать... Варьку растить. В уважении ко мне.

Что-то она опять сегодня волчонком на меня смотрит.

А почему я должна растить ее в уважении к человеку, который вынул мою душу, потер на терочке, посолил, поперчил, потом попробовал и даже есть не стал. Не понравилось. Объелся. Захотел другого.

– Я уволилась с работы, Саша. Ты же говорил...

– Ну что, будем теперь вспоминать, кто что кому и когда говорил? Ты тоже много чего говорила и обещала.

Ну, ну, Лена, бей по морде, бей при всех, выливай в эту наглую самодовольную жестокую морду свежавыжатый мор-

ковный сок с пышной пенкой, пусть утрется этой пенкой, и уходи с гордо поднятой головой! Больше, чем «good-bye»! Как будто и не встречались! Скажи ему: «Пошел к черту»! Скажи те слова, которые ты в ярости можешь сказать Варьке! Ну что ж ты, Лена!.. Уходи и подавай на алименты – Варька же официальная дочь этого мерзавца. Спасибо моей маме – заставила его дать Варьке фамилию, как ни крутился, ни прятался тогда.

Уходи и больше – никогда! Никогда...

Я поставила стакан с соком на стол и ушла.

Несколько дней после этого меня ломало и выкручивало, как бывает, когда заболеваешь гриппом. Так болела душа, что вместе с ней болели все мышцы и кости. Я не спала, не ела, ни с кем не разговаривала. Кормила Варьку, помогала ей с уроками и просила ее не спрашивать меня, почему я молчу и плачу. Варька обнимала меня и садилась рядом.

Через несколько дней я позвонила ему ночью. Не знаю, один ли он был, он не поднял трубку, но перезвонил мне с мобильного. Наверно, не один. Неважно.

– Да, Ленка. Слушай. Ты прости, если я орал в ресторане.

– Лучше бы ты меня просто убил, чем так.

– Лен, ну, наверно, не получается у нас...

– Я не буду больше уходить с вещами...

– Да не то... Такой быт начался... Может, вернемся к тем нашим отношениям...

– Когда ты приходил то раз в неделю, то раз в месяц?

– Когда ты была моей любовницей... Ты хочешь быть моей любовницей опять, Ленка?..

– А сейчас я кто?

– Ну кто... Разве с любовницей покупают удобрения для огорода? Помнишь, ты меня спрашивала, куда девались мои... м-м-м... разные всякие там... желания... сложные... Почему у нас все стало так просто и одинаково... Помнишь?

– Конечно. Я думала, что тебе больше это не нужно...

Я радовалась, что ему больше это не нужно. Я думала, что странности и чудные желания на грани извращения переплавились в нежность. Если бы я дала себе труд сформулировать это раньше, я сама бы ужаснулась от чудовищности этой мысли.

– Мне это нужно, Леночка, нужно. Еще как. Просто желания смешались с куриным пометом и... псссы-ыть... разлетелись... То полаялись насчет засоренных фильтров в скважине на даче, то всерьез обсудили проблему моего поноса... какие тут особые желания...

– Кроме как позвонить другой?

Кто просил меня говорить это? Мастер формулировок. Мастер-ломастер.

– Ну вот, ты и сказала.

– Саша... Пожалуйста. Ты можешь все это прекратить, а? Ради нас с Варькой.

– Что прекратить конкретно?

– Эту женщину прекрати. Если можешь...

– А ты? Что можешь ты?

– Могу не покупать салаты в магазине... Могу махать в окно... – я вспомнила его недавние капризы.

– Не утрамбовывать с женитьбой... – ловко ввернул Виногорадов, четырнадцать лет наслаждающийся свободой рядом со мной, первой красавицей журфака выпуска девяносто девятого года.

– Саша...

– Погоди-ка... – вдруг другим голосом сказал Саша и положил трубку.

Наверное, другая, которая еще только собирается утрамбовывать его с женитьбой, сбросила с себя во сне одеялко и проснулась. Не вздрогнула, оглядевшись? У него же полно моих и Варькиных вещей дома и на даче. На нашей даче. Где моими руками сшиты все шторы – я шью, как в древности шили – на руках, быстро, аккуратно, да еще и напевая бесконечные русские песни про то, как он уехал и не вернулся, а она все ждала и ждала, все глаза в окошко проглядела, и зиму ждала, и лето... На даче, где в четыре руки мы с Сашей красили для Варьки песочницу и качели в цвет спелого каштана. Получился цвет мореного дуба, но мы были счастливы. И красить, и смотреть, как наша Варька качается на качелях и строит из песка дачи для принцесс. Не ведая, что очень скоро на ее качелях станет качаться другая, которая тоже рассчитывает стать принцессой – на благоустроенной

даче с собственной артезианской скважиной, садовником и сторожем.

Глава 4

– Леночка, – неожиданно раздался над моим ухом голос Женьки Локтева. – Какая ты умница, что пришла!.. Ты поверишь? Я звонил тебе вчера весь вечер, хотел пригласить сегодня в мой ресторан. А у тебя ни один телефон не отвечал.

– Я вырубаю иногда все телефоны, Женя. Привет.

– Я тоже, – неожиданно признался Женька. – Это твоя дочка? – он нежно потрепал Варьку по руке. Сейчас, погоди, – Женька быстро ушел куда-то своей знаменитой походкой, чуть приподняв одно плечо и склонив к нему голову.

Через минуту к нашему столу подкатили столик. На столике стоял торт в виде... Женькиной головы, с воткнутыми вместо волос горящими свечками. Разноцветные свечки были закручены в виде спиралек, при горении издавали легкий треск, блестели, как бенгальские огни и очень приятно пахли ванилью с апельсином.

– Ой, мама! Мама! – только и сказала Варька, и засмеялась, захлопала в ладоши.

Наш стол уставили фруктами и маленькими блюдами с разными закусками. К нам опять подошел Женька, тоже хлопая и смеясь. Остальные посетители смотрели на нас во все глаза. Кто-то начал аплодировать. Женька легко раскланялся во все стороны.

– Нравится? – он смотрел на меня радостными глазами. –

Тортик? Я сам придумал. Сделан из изумительного марципана, с этими... Ой, там чего только нет! Они делают их по два в неделю...

– По три с половиной дня делают одни тортик? – посчитала ученица первого класса Варька.

– Ага! Вроде того! Как вы хорошо считаете, юная принцесса!

Варька застенчиво улыбнулась и кивнула.

– Ну что ты, что, почему не отвечала на звонки?

– Прости, хотела выспаться спокойно, без всяких тревожных разговоров. Но знаешь, я со вчерашнего вечера все думала: «А не взять ли Варьку и не пойти ли с ней к Жене поужинать?»

– Ну, прекрасно, прекрасно, кушайте на здоровье, лапушки мои... Ты что-то хотела заказывать на горячее?

– После таких закусок? Мы не очень много едим.

– А вы и не ешьте закуски! Так, попробуйте то, это... Знаешь, а на горячее... – Он подозвал официанта, который наготове все это время стоял в стороне.

Официант с грубоватым рябым лицом подошел к нам неожиданно плавной походкой. Женя спросил, быстро взглянув на его табличку:

– Коля, у нас сегодня рыбка свежая? Белая?

– Узнаю, момент.

– Узнай... Ай, пойду сам... Ну вот как человек не знает – свежая рыбка или нет? А если придут гости без меня и

наедятся? Вы рыбу будете?

– Будем. Не беспокойся так, пожалуйста, – я с любопытством наблюдала за Женей и немного жалела, что вижу его в таком качестве, уже написав статью. – Надо было тебе раньше так за мной ухаживать.

– Ты была бы необъективна! – Женя засмеялся, выразительно глядя мне в глаза.

Посетители, наверно, думали, что я... Мне даже не хватало фантазии предположить, кем надо быть, чтобы Женя Локтев, настоящая звезда и легенда наших первых театральных антреприз, герой многих лучших фильмов и спектаклей, так за тобой ухаживал. Ну статья, ну «Размер»...

Женя вернулся через минуту, потирая руки и словно стряхивая при этом капельки с кончиков пальцев. Я видела его в одном шекспировском спектакле в очень смешной роли. Именно так он там и делал.

– К вам больше никто не придет? Родственник ваш? – я вдруг заметила его внимательный взгляд.

– Тот? Нет.

– А другой? – он засмеялся.

А я растерялась.

– Н-нет... Тоже нет. Он у нас один, такой родственник. Это был Варин отец.

– Муж?

– Нет, – я вздохнула. – Бывший... жених.

– Тогда, если Варя не возражает, я с вами тоже покушаю.

Ай... – он сел на придвинутый официантом Колей стул.

Как только Коля сообразил, что хозяин хочет сесть? Стоял-стоял далеко, смотрел и вдруг метнулся к нам и отодвинул стул. Ловко подставил его Жене, чуть поклонился и отошел.

– У меня – просто невероятно – два выходных вечера подряд. Ты думаешь, я для прессы жаловался, что выходных дней у меня бывает два-три в году? Кроме двух недель отпуска, если удастся отбояриться от съемок... Но сейчас так трудно отказываться. Все самые лучшие режиссеры опять снимают. Денег у всех много, дают на съемки... сам вот уже так назарабатывался, что иногда снимаюсь почти... – Женька понизил голос и произнес одним из своих самых смешных голосов, – ... даром. Если фильм хороший. Сейчас вот, например.

– Про что фильм?

Женя улыбнулся.

– А всего лишь про любовь. Ни пистолетов, ни умничанья... Но так как-то знаешь... без соплей, очень все просто и искренне. Я случайно прочитал книгу, когда ехал в поезде в Питер на съемки. Маялся ночью, не спалось. Увидел – у соседки книжка лежит, взял и просто зачитался... А потом мне вдруг предлагают роль в сценарии с таким же названием. Я запомнил, не спутаешь – «Женькина любовь». Представляешь себе? Там, правда, Женька – девушка, главная героиня... Не важно. И когда я узнал, кто режиссер – такой ма-

стер многосерийных уродцев... Я представил, что он накроит в два прихлопа – три притопа... Опа-опа – вышла – ...! Пам-парабарам-пам-пам! – Женя станцевал руками изящный матросский танец у себя на коленках и бедрах. – Так я сам с продюсером поговорил, людей нашел с деньгами, режиссера привел, хорошего очень, я у него два раза снимался. Роляку там себе присмотрел, классную... Буду играть композитора, похожего на симпатичного тролля, который хочет жениться на чужой девушке. Чужой, но очень красивой и вдобавок беременной. А она ему отказывает... Варенька, тебе не скучно с нами? – спросил он Варю.

Девчонка моя запихивала в рот, не глядя, одну за одной маслины, фаршированные чем-то нежным и непонятным, и смотрела на Женю, как на живого Волшебника Изумрудного Города. Я пыталась несколько раз привлечь ее внимание, но совершенно безуспешно.

– Мне? – Варя замахала рукой, потому что чуть не подавилась. – Нет! Не скучно! А вы не похожи на старого тролля.

– И так не похож? – Женя сделал очень смешное лицо, оттопырив нижнюю губу, отогнув уши и сначала собрав глаза у носа, а потом разведя их в разные стороны.

– Так похож...

– А на кого я вообще похож, Варюша?

– На мужчину, – ничтоже сумняшеся ответила Варька.

Женька засмеялся.

– Тут уж как вышло, я не виноват.

– Варюша, а знаешь что... – я сама не знаю, почему я тогда это сделала. – Жень, а у вас есть какие-нибудь автоматы... однорукие пираты?

Женя посмотрел на меня.

– Нет, к сожалению, ни бандитов, ни пиратов... Но... есть зато... Ты не видела еще нашего крокодила?

– Крокодила? – Варя застыла с приоткрытым ртом.

– Дожуй, пожалуйста! Закрой рот и дожуй, – попросила я.

– Сейчас мы тебе маленькую экскурсию устроим... У нас тут еще на втором этаже есть такое... Вот смотри, я сейчас позову дядю, он не очень красивый, правда?

Варька чуть сморщилась и кивнула.

– Вот, видишь, какая ты. Я точно такой же. Не люблю уродства. Но зато он умный и добрый. Коля! – он подозвал рябого официанта. – Иди сюда. Проведи, будь другом, маленькую леди по нашим кунсткамерам.

Когда Варя послушно ушла с Колей, не очень, правда, довольная, я заметила:

– Как ты все понимаешь... Это от игры на сцене, да? Привычка?

– Да ты что! – Женя засмеялся. – Такие партнеры бывают! Ничего не видит, не слышит, спроси на сцене: «Тебя как зовут, по-настоящему, как?», он никогда не скажет, в зажиме. Не-ет! Это я просто тебя как-то понимаю.

– Жень, я только прошу... Не обижайся... Я хочу задать тебе один вопрос... Только я сейчас не журналистка. Ве-

ришь?

Женя вздохнул:

– Верю, а что мне остается?

– Мне почему-то раньше не приходило это в голову, только сегодня... – Я посмотрела в его грустные клоунские глаза, знаменитые, которые очень легко нарисовать в виде карикатуры – небольшие, чуть разные по размеру, с опущенными внешними уголками.

И он посмотрел мне в глаза.

– Не бойся, спрашивай.

– Ты ведь... жалеешь, что похож на мужчину, правда?

Он улыбнулся и кивнул.

– Правда. Это не обидный вопрос. Это моя жизнь. Я не знаю, как быть другим. То есть, я знаю... у меня же родился сын, когда мне было двадцать два года... и я помню, как для меня все это было мучительно...

– Понятно, – мне вдруг захотелось взять его за руку, но я не решилась. Он же заметил или опять почувствовал мой импульс и сам дал мне руку.

– Ты ведь вначале с некоторой опаской отнеслась ко мне?

– Ты что!.. – поспешила отказаться та, которая вначале отнеслась к нему с некоторой опаской. – Просто вы другие... Для меня – как инопланетяне...

– Это не совсем так. Просто в шкуре медведя – принц. Вернее, принцесса. Она же не виновата. Что ее заколдовали. Вот тебе нравятся женщины?

– В каком смысле? – переспросила я, хотя поняла, что он имеет в виду. – Нет, не нравятся.

– И мне в этом смысле – не нравятся. Вот и все. А в других смыслах – нравятся.

– Слушай... А все-таки, как же ты играешь? Тебе не противно – на сцене, перед камерой?

– М-м-м... Не противно, нет, но бывает сложно. Я играю это. В это. На самом деле играю. Не живу, не проживаю, вопреки нашей знаменитой школе. Хотя... Не знаю... Ой, не люблю теоретических разговоров об этом...

– Не надо, не надо! – поспешила остановить его я. – Я тоже очень боюсь думать – как оно происходит – почему то пишется, то не пишется. То невозможно остановить слова, мысли, а иногда – не знаю, ничего не знаю ни о ком, ни о чем... Что писать? Зачем?

– А двадцать страниц в день?

– Только по приказу, на работе. И то – пять. Но теперь – всё.

– То есть как – всё?

Я не успела ответить, как к столу вернулась страшно довольная Варька.

– Мам, там, знаешь, кто наверху стоит?

– Он живой, имей в виду, – тихо сказал Женька, не глядя на нее.

– Жи-вой? А я-то... его трогала... Ой, мам... – Варька затряслась.

– А кто живой, Жень? Крокодил?

– Нет, крокодил – вон, в аквариуме, а там, наверху... – Женькины глаза вдруг стали огромными, как Варины. – Да, Варенька? Там – о-о-го-го...

– Мама... я его потрогала, а вдруг бы он мне руку откусил... – Варька прижалась ко мне. А я подумала, что иногда забываю, какая же она еще маленькая.

Девочка, растущая только с мамой, часто – наверняка не только у меня – становится ее подружкой, совсем не по возрасту. И с трех-четырёх лет знает о месячных или о том, как папа спит с другими тетями. Хотя, может быть, дело не в составе семьи, а невозможности утаить что-то от ребенка на крохотном кусочке бетонной плиты площадью тридцать квадратных метров, где мы вдвоем толчемся с утра до вечера.

– Мам, а почему, когда мы к нему приезжаем домой или на дачу, он спит один, в своей комнате, а когда нас нет, то он спит с другими тетями? Я слышала, как Неля говорила: «И пусть он с ней спит! Это ненадолго». Он боится один спать, да? – однажды спросила меня Варя в возрасте пяти лет.

В нашей квартире при всем огромном желании невозможно говорить тайком даже в ванной комнате. Кто-то спланировал наше жилище так, что коробочка ванной в полтора квадратных метра выдается прямо в комнату, – и всё, что там происходит, слышно во всей квартире.

– Нет, не боится. Он всегда спит в отдельной комнате, Ва-

ря. А другие тети, и я в том числе, спят в своей комнате.

– В какой? В нашей, да? А они спят на нашей кровати?

– Не думаю, Варенька. Другие спят на диване в гостиной...

– А-а-а... Ну, слава богу...

На следующее утро я проснулась и в первую секунду не вспомнила, что мне не надо идти на работу. Потому что я теперь вообще нигде не работаю, я теперь холеная невеста Александра Виноградова... Стоп. Так и с Сашей мы вроде вчера попрощались. Правда, мы столько раз прощались за четырнадцать лет, что никто уже, кроме меня, не верит в наши расставания. И никто не хочет слушать про наши ссоры, да и мне самой уже как-то неудобно рассказывать. Это как вечно текущий потолок от нерадивых соседей:

«Сделай ремонт!»

«Да я делала, а они опять нас затопили!»

«Так пусть заплатят!..»

«Заплатили и опять затопили...»

«Ну, поменяй тогда квартиру или плюнь, пусть течет...»

Так вот он, этот потолок, вчера обрушился мне на голову. Надо было вовремя поменять квартиру...

Что же теперь делать? В пустоте нашей тесной квартиры, которую я не только перестала модернизировать, но постепенно и убирать толком. Какой смысл – не сегодня-завтра переезжаем. Ведь мы уже распределили все комнаты в той

замечательной новой квартире, уже показали Варьке ее комнату... Уже заказали проект перепланировки, даже подобрали всю мебель...

Скромное обаяние буржуазии затягивает. Я спокойно отношусь к благам цивилизации, но устоять перед перспективой ходить широкими шагами из огромной кухни в Варькину личную большую и светлую комнату не смогла. Как и многое, наверно, прощала Александру Виноградову за то, что он менял внедорожники чаще, чем я осенние пальтишки, и возил нас в свой роскошный коттедж на участке в полгектара, где росла (и будет дальше расти без нас) стометровая ель...

Вернее, не так. Я думаю сейчас: а прощала бы я ему все его выходки, если бы он ковырялся по воскресеньям в стареньком «жигуленке» или вовсе – дрожал на остановке автобуса по утрам и вечерам, и возил нас на электричке в летний щитовой домик, построенный на осушенном болоте в ста километрах от Москвы?

Почему же мне так стыдно своих упрямых мечтаний о зажиточном, сытом счастье? Бабушка ли комсомолка в кумачовом рваном платочке где-то в душе встрепенулась, или, может быть, временно ушедший от мира двоюродный дед, который полгода просидел на воде с черным хлебом, молясь и каясь в грехах?

Бабушка-комсомолка, правда, замуж вышла за образцового комсомольца, который вскорости стал областным председателем Совнаркома, получив, как положено, и кухарку,

и шофера, и госдачу. А дедушка, молясь и постясь, от астмы застарелой излечился и заодно грехи свои претяжкие замолил. Жить стало легче, болеть перестал, женился вдругорядь...

А я-то что? Мне почему стыдно? Разве не в прекрасный замок увозили принцы Золушку, Белоснежку, Спящую красавицу? Не такая картина мира рисовалась с самого детства, непонятно как укладываясь рядом с тезисами демократического равенства? И разве можно позавидовать женщине, жених которой повел ее жить с собой в грязный сырой подвал? Даже если он пишет прекрасные стихи или картины... А крысы, которые ночью бегают по ногам? И хлебушек с зеленой плесенью на завтрак трудно проглотить даже под чарующие звуки лютни...

Крысы, плесень – это ужасно... Но мечтать о сытости и безбедной жизни – мещанство. Я – мещанка? Нет, нет, я не мещанка. Но я устала от тесноты, я устала от неопределенности, я устала зарабатывать ровно столько, чтобы прокормить Варьку, и зависеть от Сашиной щедрости, прямо связанной с его отношением ко мне...

Я лежала и думала, и плакала, и опять думала, пока не услышала музыку, которой будит меня каждое утро мой телефон. Сегодня «Полонез Огинского», значит, вторник. Плачь – не плачь, а Варьку надо вести в школу.

Вчера, вернувшись домой, первым моим желанием было позвонить Харитонычу, повиниться, и... И – что? Писать за-

явление обратно? На потеху всем? Как раз вчера и сегодня главная тема в курилке и буфете – «А Ленка Воскобойникова выходит замуж за банкира, за того самого... и уволилась...»

Нет! Она больше не выходит замуж.

На работу возвращаться нельзя. Стыдно. Этот важный резон. И что я буду делать? Писать статьи для «Русского размера»? Тоже выход. Но они пока ничего не заказывали.

За годы встреч с Сашей Виноградовым я как-то порастеряла всех своих институтских знакомых, перестала видаться с одноклассниками, с коллегами из моего первого журнала, где я проработала шесть лет. Во-первых, я не люблю жаловаться, а в постоянной тягомотине «сошлись-разошлись» трудно ответить честно на простой вопрос: «Ты замужем?». «Вроде вчера была, опять, после трехмесячного перерыва...». К тому же гостей моих он мог вытерпеть один раз, второй раз просил приглашать других. Надо признать, своих гостей он тоже не любил, обычно к середине вечера начинал раздражаться и находил повод удалиться с собственной вечеринки. «Сыч», – с нежностью думала я и больше тех друзей не приглашала.

Я посчитала все свои сбережения. Не густо. Но вполне хватит, чтобы спокойно поискать работу. Может, оно и к лучшему. Сидела бы сейчас, ревела бы на глазах у коллег. А так – можно всласть нареветься дома, потом походить в косметический салон, раза... два, привести себя в порядок, выйти на новую работу и...

Так прошел день, другой. Я заскучала. Потом затосковала. Пробовала сама что-то писать. Но я так привыкла к «заказной» работе, что писать просто «что-то» у меня уже не получается. Тогда я стала думать. А не открыть ли мне свое дело? Нет, не журнал. Денег я у Виноградова не возьму, да он больше и не предлагает. Он даже не интересуется, есть ли у нас с Варькой деньги на прожитье. А вот что-нибудь поскромнее... Какой-нибудь свой маленький мещанский бизнес... Что я умею? Я умею ухаживать за цветами, выращивать их, умею хорошо готовить, особенно супы, салаты и горячие блюда... Я умею быстро и ловко шить километры штор, на руках... и новогодние костюмы Варьке...

Мои вполне спокойные размышления прервал звонок.

– Ты спишь?

– Собираюсь Варьку в школу будить. Осталось две минуты полежать...

– М-м-м... – игриво промычал Саша.

Так. Стоп! Я не готова – к таким резким поворотам в судьбе.

– Ленка! Ау!

Я нажала сброс и быстро выдернула из телефонной розетки оба шнура. Мобильный у меня точно разряжен – еще вчера вечером жалобно пищал в коридоре, сообщал об этом, естественно, в тот момент, когда Варя засыпала.

Он что, с ума сошел? Зачем он сейчас звонил? После всех своих «последних» слов? Или это я с ума сошла? Может, он

тоже затосковал – без нас, без меня? Может быть, он позволил, чтобы раскаяться? Ну да, он пошлый, циничный человек, он задавлен своей гордыней, деньгами и комплексами, он не может просто позвонить и сказать: «Прости, я был идиотом...» Я быстро включила телефоны.

Через полминуты раздался звонок.

– Почему я не слышу Варькиного голоса? Ты с кем?

– Она спит еще. Я сейчас разбудю ее.

– Не надо... Ты лежишь? Ты в чем?

– Саша, прекрати...

– Я хочу встретиться с тобой... Надо, чтобы у нас все было, как раньше, пока мы не стали заниматься огородами и ремонтами... Ты слышишь меня? Я приеду... Отводи Варьку в школу, и я приеду...

– А как же... та женщина? Ты решил с ней расстаться?

– Это, что – условие? Давай объявим вообще на эту тему мораторий, а?

– Но я должна знать...

– Зачем тебе это знать? Ты опять меня прижимаешь к стенке? Ты вроде сказала, что всё поняла...

– Да. Теперь, кажется, всё.

Я положила трубку, перевела дух, пошла в ванную, почистила зубы, выпила несколько бесполезных таблеток валерьянки и стала будить Варьку. С ужасом я услышала, что он звонит снова.

– Прости, наверно, в таком случае вообще ничего не надо.

Пока.

И трубку положил он. Старая базарная склочница. Пока не оставит за собой последнего слова, не успокоится.

Но и это было не последнее слово в то утро. Я отвела Варю, мы чуть не опоздали, потому что я все делала как под гипнозом. Положила телефон в холодильник вместе с сыром, заперла дверь на старый замок, которым никогда не пользуюсь, и пыталась повязать Варе второй шарф поверх того, что она надела сама.

– Это ты с ним разговаривала, когда я спала? – спросила меня проникательная Варька, когда я целовала ее на прощание около школы.

– Так ты же спала...

– Но ты же разговаривала! – Варька засмеялась и, чмокнув меня теплыми губами в ледяной нос, убежала по лестнице.

Если бы не она... Иногда мне кажется, что я живу не для нее, а благодаря ей. Что почти одно и то же.

Когда я вернулась, возле дома стояла машина Виноградова.

– Подкрасься, – скривился Виноградов, выглядывая из окна. – Я через пять минут зайду.

– Не надо, Саша.

– Надо.

То, о чем просил Виноградов на этот раз, меня испугало.

Интересно, куда его потянет, когда он пройдет этот путь порока до конца? Скорей всего, он нежно полюбит девочку

с тоненькой шейкой и прозрачной кожицей и месяца через два нежной любви начнет потихоньку ее развращать. Гос-по-ди-и-и!!!

Как любой женщине, у которой нет альтернативы, мне трудно расстаться с моим единственным мужчиной, даже осознавая, что он – стареющее развратное животное. Похотливое, невоздержанное, нечистоплотное.

Иногда мне его жалко. Иногда он мне противен. Иногда я думаю, что он болен психически. А иногда я начинаю надеяться, что ему это все надоело – он дает мне повод так думать. Он становится просто нежным и чутким. И именно в эти недели и месяцы, он умудряется влезть так глубоко в мое существо, что порой мне кажется – я вся наполнена им, его желаниями, его голосом, его мыслями... Им, им, им... Я поддаюсь и растворяюсь в его личности и ничего не могу с этим поделать. И когда он вдруг, в самый, самый неподходящий момент, в момент моей открытости и нежности вдруг выдирается наружу из меня – я остаюсь пустая и разорванная. Он не составляет себе труда ни предупредить меня о катапультировании, чтобы я хотя бы собралась, ни сделать это аккуратно. Он просто разрывает живую ткань и уходит.

Уходя в то утро, он попытался дунуть на прощание мне в ухо, но, увидев мои глаза, поцеловал воротник скромной блузки, которую он попросил меня надеть в середине мероприятия.

– Я позвоню... завтра!

Таким тоном говорят новые знакомые, которые хотят продолжить общение. То есть не то, что «Я может, еще тебе позвоню когда-нибудь», а – «Завтра позвоню!» Я замерла. Виноградов засмеялся и ушел.

– Мам, наверно зря мы сажали тюльпаны осенью на даче, – вдруг сказала вечером Варька и напустила полные глаза слез.

– Почему зря, Варюша? Ты что, малыш?

Она пожала плечиками.

– Я чувствую... Что мы никогда с тобой их не увидим...

Это точная копия моих высказываний: грустная сентенция на основе ощущений. Но она говорила это искренне.

Я весь вечер нервничала, мне было неприятно вспоминать нашу встречу, я не знала, что скажу Виноградову, когда он позвонит. Я подумала – не отключить ли телефон, но не стала. Потом я стала все-таки ждать его звонка, потому что мне хотелось как-то донести до него, что мне не просто даются все его фантазии. Сказать, что они вызывают у меня некоторое напряжение. Напомнить, что такое можно делать или за большие деньги – не в моем случае, разумеется, или по большой взаимной любви. Либо по собственной непроходимой глупости.

К двенадцати часам я ощутила, что мне холодно. Я оделась, включила посильнее масляную батарею, попыталась накрыть заснувшую Варю вторым одеялом, которое она тут же сбросила вместе с первым. Я проверила температуру в

комнате – 25 градусов по Цельсию и температуру своего тела – 36,2... Я заварила горячий крепкий чай, капнула в него кагора. Выпила. И позвонила Виноградову домой. Определитель у него не включился – значит, еще не пришел. Я позвонила через полчаса, еще через полчаса. Позвонила на мобильный – трубку он не взял, ни первый раз, ни третий... Мне было противно и стыдно, что я звоню. Но это было самое приятное чувство из всего, что я испытывала в тот момент.

Я знаю, что означает для Виноградова спать у кого-то, спать вместе с кем-то в одной постели. Это он делает только в исключительных случаях. случаях влюбленности. Сколько раз в жизни он был в меня влюблен, столько раз он пытался приложить меня рядом, а потом, ночью, сняв с меня одеяло, спихнуть на самый край, чтобы я все же ушла в другую комнату.

Он пришел сегодня ко мне со своими потными фантазиями и после этого, в тот же день – пошел к той самой «другой женщине», из-за которой передумал с нами жить!.. И он это знал утром – «Завтра позвоню!» – честно сказал он, после всего, чтобы между нами было...

Мой организм после рождения Вари категорически не принимает ни спиртного, ни сигарет, ни успокаивающих таблеток, останавливающих химическим путем слезы и затормаживающих весь организм. Я объясняю себе это загадочным механизмом самосохранения. Просто кроме меня мою

дочку растить некому. И я пытаюсь делать все, чтобы рядом с ней была здоровая, молодая, веселая мама. И подольше.

Я выпила еще чаю, поискала в сумках гомеопатический пакетик «Успокой», который недавно купила в аптеке, не нашла и легла. Часам к пяти я заснула, а в семь проснулась. В восемь позвонил Виноградов.

– Привет, – сказал он плохим, чужим голосом.

– Саш, как же ты мог!..

– Э-э-э, нет! Я не за этим тебе позвонил! Просто я видел, что ты звонила на мобильный ночью. Что случилось?

– Саша, зачем ты пошел к ней? Тебе чего-то не хватило вчера?

– Она моложе тебя. Она не устраивает мне истерик.

– Еще скажи, что не просится замуж и не ревнует.

– Совершенно верно.

– Значит, ты ее недавно знаешь.

– Да! Да! И мне это нравится!

– Но зачем же тогда ты ко мне пришел, Саша?..

– Захотел – и пришел! Что-то еще интересуешь?

– Нет...

Он успел бросить трубку первым. Да какая разница – первым, вторым...

Опять на полном автопилоте я отвела Варю в школу. Как бы сейчас было хорошо пойти на работу. Для этого надо было бы причесаться, накраситься, застегнуть все пуговицы на блузке в нужные дырки и начистить туфли.

Выплакав все слезы до последней, я села к компьютеру и открыла папку «Идеи». Ведь что-то я хотела писать про одного учителя из Нижнего Новгорода, у меня был такой хороший материал... И еще была идея про школу для слабовидящих детей... Я сидела и читала свои наброски, не понимая смысла слов.

Услышав звонок телефона, я твердо решила: «Если он – не поднимать трубку». Но как же не поднимать? А вдруг он решит извиниться? Или скажет, что он вообще все это придумал, чтобы я ревновала? И трубку я сняла.

– А кстати, ты обещала мне кое-что еще в прошлом году, но так и не сделала...

– Что именно?

– Помнишь, я говорил, что у меня есть одно желание, которое я хочу реализовать только с тобой?

– Нет, Саша, не помню.

Конечно, я помнила: плетки, кнутики, черные лаковые ботфорты на острых каблуках... Игры пресыщенных импотентов. Но он сказал совсем другое.

– И неважно. Помнишь, у тебя была такая знакомая... Мила, кажется... Я еще удивлялся, что вас связывает... Жирненькая такая... На ножках... Профурсеточка такая аппетитная...

Я понимала, что мне надо положить трубку. Но странное ощущение возникло у меня тогда, и оно оказалось абсолютно правильным. Я почувствовала – именно почувствовала,

объяснить ни себе, ни другим это я тогда была бы не в состоянии: мне надо пройти мой собственный путь ужаса и боли до конца. Я должна увидеть – что там, в конце. Другого способа избавиться от Виноградова, избавить от него свою душу у меня нет. Пока я иду, пока я плачу, а не плюю со смехом в его сторону – мне надо идти. Как бы унижительно это ни было. Иначе я никогда не вылечусь от него.

– Милка Анисимова. Ее с третьего курса отчислили за то, что она спала с женатым деканом нашего курса. Мне всегда было ее жалко. И что?

– Что она сейчас делает?

– Пьет, кажется. Работает официанткой в ночном клубе. Мечтает встретить молодого красивого банкира. Вроде тебя.

– Ну, не такой уж я молодой, – всерьез ответил Виноградов, недавно заказывавший салют и танцовщиц всех пяти земных рас на день своего сорокапятилетия. – Да... Надо бы нам сходить всем вместе, втроем в ресторан...

– Зачем?

– Увидишь. Позвони ей.

– Я могу дать тебе телефон, позвони и сходи сам.

– Нет, милая моя, ты позвони, ходим вместе.

– Не понимаю...

– А тебе и не надо ничего понимать. Позвони. Допустим, в субботу вечером можно сходить куда-нибудь...

– С Варькой?

Александр Виноградов засмеялся.

– Отвези ее к маме.

– Вряд ли. У мамы болен Павлик.

– Тогда пусть придет ваша эта... тетьа Маша... или как ее...

– Саша, я не знаю.

– А я знаю. Все, пока.

* * *

Мой молочный брат Павлик младше меня на двадцать четыре года, ему только будет четырнадцать. Меня мама родила в восемнадцать лет, а Павлика – в сорок два. Я стараюсь не очень часто ходить к маме, когда ее муж дома, а муж ее дома почти всегда, потому что на работу он ходит в свою собственную комнату.

Игорек, мамин муж, пишет сценарии компьютерных игр. Мне вполне симпатичен Игорек, хотя он и младше мамы на восемнадцать лет. Он странный. Мне кажется, что он ничего не видит вокруг, кроме компьютера и моей мамы, которая великолепно выглядит, но он и этого не видит. Он сидит сутками за монитором, и, если его позвать в третий раз, он вздрагивает, но не оборачивается. Он придумывает замечательные вещи, которые мне абсолютно чужды, и получает за это сносные деньги, чтобы мама могла не работать и растить малыша Павлика. Павлик, разумеется, не его сын, Игорек появился в маминой жизни позже.

Отец Павлика сел в тюрьму, перестаравшись в первые годы нашего капитализма. Он попытался продать воздух, как делали многие в то время. Снял две комнаты в бывшем Доме пионеров, наделал туристических путевок в типографии, продал две очень удачно, а за третьей пришла жена помощника прокурора округа, просто как туристка – она хотела поехать в Голландию за луковицами тюльпанов. Отец Павлика не успел спрятаться, когда разразился скандал, и его посадили на четыре года. Почему-то он вышел гораздо раньше, но к моей маме даже не зашел.

Мама, в отличие от меня, к мужчинам всегда относилась крайне иронично. По-моему я больше переживала, что отчим так подло сбежал.

В трудную минуту мама взяла к себе квартиранта – Игоря. Он и прижился в нашей огромной квартире. Мне кажется, если спросить его, сколько моей маме лет, он точно не скажет, хотя брак они оформили официально. От моего папы, который давно умер, маме осталась прекрасная пятикомнатная квартира на Маяковской – с двумя кладовками, с комнатой, в которую ведет полукруглая лесенка – в ней раньше жила я, а теперь прячется от не виртуальной реальности Игорек.

О папе я мало что помню. Он был довольно известным писателем и журналистом. Его или не было дома, или он сидел в своей комнате и писал. Помню, что он был веселый и толстый. Он даже умер во время смеха. Смеялся, смеялся,

схватился за сердце и умер. Это вспоминают все его друзья и знакомые, как только заходит разговор о папе. «Ладно, хоть Ленку и квартиру мне оставил, раз уж сам помер», – раньше часто говорила мама. А мне было очень обидно – ничего себе «хоть». Квартира наша – ее – просто роскошная. А я – вот так она меня и воспитывала, я всегда для нее была «ну хоть Ленка...».

Сейчас я к маме хожу редко, потому что, с тех пор, как лет семь назад у нее появился Игорек, она стала нервничать при виде меня. Говорить высоким голосом, слишком сильно краситься, выпрямлять и без того прямую спину бывшей актрисы (мама когда-то пела в оперетте) и без конца повторять, что она не стесняется своего возраста, совершенно не стесняется и может всем сказать, сколько лет ее дочери... Я обычно тороплюсь объяснить: «Мне уже двадцать девять, у меня маленькая дочь, просто я так плохо выгляжу.» Хотя я точно знаю, что возраст – не в морщинках около глаз и рта, не в цвете кожи, а в глазах. Никто никогда не даст мне двадцать девять лет, внимательно посмотрев мне в глаза. Сто лет – даст или даже двести. Двести лет одиночества с Виноградовым Сашей. Мук, одиночества и моей бессмысленной и мучительной любви.

Я представляю, что сказала бы мама, если бы я попыталась рассказать ей про последние выходки Виноградова.

– Хочешь чокнуться – продолжай в том же духе! По нему плачет Кащенко, и он тебя с собой туда тянет! Пошли его в

задницу, оформи официально алименты, слава богу, Варька записана на него. За хвост поймали тогда, ловкого твоего! И найди себе нормального человека, наконец! Или не ищи, а живи спокойно, ешь с аппетитом, и пусть смеется Варька! А не рыдает с тобой месяцами, когда твой ненаглядный любовник забывает, что кроме его вечно чешущихся причиндалов, у него есть дочь, в конце-то концов! – сказала бы моя мама и была бы абсолютно права.

Но разве не ты, мама, говорила мне когда-то, что любовь – самая большая ценность на земле? Моя мучительная любовь, придавливающая меня к этой земле, не дающая мне дышать, смеяться, видеть мир во всех его красках – это большая ценность, ее надо беречь, за нее надо бороться. Ведь моя любовь – это часть меня самой, я не могу ее оторвать от себя, как не могу добровольно отдать свою руку, ногу, даже ухо. А уж Саша Виноградов точно для меня значит больше, чем мое собственное ухо.

Глава 5

На следующий день после нашего странного разговора с Виноградовым меня весь день мутило. Я даже померила давление, и точно, – низкое, почти коллапс: восемьдесят на пятьдесят пять. Я пила крепкий сладкий чай, стояла в горячем душе, к вечеру стало вроде бы лучше, – вот если бы не мысли...

– Ты позвонила Милке?

– Нет еще... А ты где?

– Прошу тебя, не надо за мной следить. Неужели ты ничего не понимаешь? Ты только себе делаешь хуже.

– А ты не хочешь спросить, как Варя?

Я совершенно безнадежно попыталась попасть в то крошечное место в душе Виноградова, на которой написано: «Я – отец». Хотя моя мама считает, что у него нет не только такого места в душе, но и самой души.

«У него есть брюхо, есть гениталии и, к сожалению, мозги. Душа!.. Какая там душа...»

– Спрашиваю – отвечайте. Как. Варя. Общая дочь, хорошая девочка. Как она поживает?

– Варя нормально, Саша.

– Вот и славно. Звони Милке, потом мне.

Я понимала, что он задумал что-то странное, по меньшей мере. Но тем не менее нашла Милкин телефон. Поколеба-

лась некоторое время. И позвонила. Милка была пьяна, но разговаривать могла.

– Ленуся! Ленка... – она заплакала.

– Милка, привет, ты как живешь? Что-то совсем не звонишь...

Я ощущала себя полной сволочью. Мне-то совсем не хотелось звонить ей. А зачем она понадобилась Виноградову – я не понимала. Но чувствовала, что это имеет какое-то отношение к нашим последним сложностям.

– Да как живу... Хреново! Романы, мужики... и ничего... Вот ты молодец, родила хотя бы... А я приду домой с работы, телевизор включу, есть не хочу – на работе наелась, напилась, рекламу посмотрю – и спать. Все бессмысленно...

– Мил... Тут вот мой... гм... Саша хочет пригласить тебя в ресторан.

– Меня? – Милка засмеялась. – А ты?

– Ну вроде со мной... Но я что-то не пойму...

– Да и не надо понимать! Что ты всё, Ленуся – понимать да понимать... Пошли! Поболтаем с тобой, в обстановочке...

– Ну да, действительно, может, он хочет, чтобы мы с тобой поболтали, я отвлеклась... А то я с работы уволилась... Сижу дома... И потом, он предлагал мне, чтобы я открыла свой журнал...

– Ой, Ленка... Возьми меня на работу... Хоть кем-нибудь, а?

Я пожалела, что сказала об этом. Вряд ли для этого он

просил меня пригласить ее. Хотя он загадочный человек, мой Саша Виноградов...

* * *

Через два дня мы пошли втроем в итальянский ресторан. Ничего особенного там не было, Виноградов напился не больше обычного, Милка, видимо, тоже. Я, как почти не пью, так и не пила тогда, хотя Виноградов всячески пытался меня напоить. Это, пожалуй, было единственное, что чуть насторожило меня. Он прекрасно знал, что мне становится плохо от бокала сухого вина. У меня начинает кружиться голова, меня тошнит, а от двух бокалов я теряю равновесие и засыпаю до утра. Поэтому тем, кто этого не знает, он сам объясняет: «Лена – женщина оригинальная, водяру не пьет, а винищем брезгует».

– Лена! Пить надо много! – пьяным голосом говорил Виноградов, подливал мне красного вина и смотрел на меня злыми трезвыми глазами.

– Ой, я не зна-а-аю... – хихикала пьяненькая Милка и расстегивалась.

Она пришла в черной кружевной блузочке. Меня не оставляло ощущение, что я видела кофточку еще в институте – застегнутую по меньшей мере на тридцать крошечных черных перламутровых пуговиц. Через три минуты Милка стала ее расстегивать. Наверно, это ее обычная штучка. Ви-

ноградов пару раз взглянул на ее ручки, теребящие очередную пуговку, со странной улыбкой.

Во время ужина я взяла сумку и вышла из-за стола.

– Ты куда это? – нахмурился Виноградов.

– В туалет.

– Я с тобой, – запищала Милочка. Думаю, что она хотела замурлыкать, но получилось, как будто пищит больной котенок. Котенок, больной сифилисом или, на худой конец, хламидиозом.

– Сиди, – подал голос Виноградов и, по всей видимости, зажал ее ноги своими под столом.

– Ага, – мяукнула Милочка.

Возле туалета я достала телефон и позвонила Варьке, я все же отвезла ее к маме. Взял трубку, конечно, Игорек. Он всегда машинально берет трубку, которая лежит у него под локтем, а потом кладет ее обратно рядом с собой, забывая, что на другом конце кто-то ждет ответа. Иногда мама обнаруживает через два-три часа, что никто не смог дозвониться на домашний, оттого что Игорек снял трубку и забыл про нее, увлекшись работой.

Когда я вернулась, то застала идиллическую картинку. Виноградов кормил Милочку жирными черными маслинами, а Милочка пыталась засунуть обратно левую грудь, которая вывалилась у нее из полурасстегнутой кофточки. Ее сильно прорисованные пухлые губы были при этом перепачканы темной мякотью маслин и производили устрашающее

впечатление.

– Ну что, Саш, я пойду, – я попыталась пройти мимо стола.

– И не вздумай, – яростно зашипел Виноградов и дернул меня обратно. – Сейчас пойдем вместе.

– Саш, а что происходит? Ты просил познакомить тебя с Милкой, вот, пожалуйста, она сидит, знакомая с тобой. Меня ждет дочь.

– Подождет! Ты просила меня не бросать вас? Обещала больше не выдрючиваться? И что? – держа меня за руку выше кисти, он достал другой рукой портмоне и помахал официантке. – Рассчитайте! – он притянул меня на колени. – Сядь на минутку.

Официантка быстро подошла с готовым счетом.

– Выпей пока вина, – он попытался поднести мне к губам бокал.

– Да не хочу я больше вина, Саша! Ты же знаешь, что со мной бывает после того, как я выпью!

– Сегодня будет другое, я тебе обещаю, – Виноградов крепко прижал меня к себе и стал целовать мне шею, очень больно подгрызая при этом мочку уха. Со стороны можно было подумать, что он мне что-то говорит. Хотя мы сидели в таком темном углу, что со стороны можно было все что угодно подумать.

Я чуть отодвинула от него голову.

– Саша, не съешь сережку.

– Так, все, девчоночки, – Виноградов аккуратно убрал карточку в портмоне и оставил на столе триста рублей чаевых. Задержавшись взглядом на нашей официантке, швырнул еще сто.

– На всякий случай, авось пригодится? – спросила я.

– Вот я и думаю... такая степень близости, как у нас с тобой – это хорошо или уже то, что бывает после «хорошо», а, Лен?

– А что бывает после?

– Рюмка хорошей водки, вторая, четвертая, девятая, бэ-э-э-э-э... – Виноградов показал, как его вырвало от нашей с ним чрезмерной близости. – Ну ладно, ладно, я пошутил, не очень блестяще.

Виноградов вытащил размякшую Милочку из-за стола.

– Лен, застегни ей кофту, что ли... Неудобно до гардероба идти...

– А как же она домой поедет? Посадим ее в такси, давай. А лучше, конечно, отвезти домой. Правда, она живет черте где... В Бибирево, кажется... Но не дай бог что с пьяной случится...

– Ага, ага... – Виноградов одел Милку и выволок на улицу. – Давайте, давайте, маленькие... – Он и меня ухватил за руку выше локтя и пытался вести за собой.

Я высвободила свою руку.

– Саш, ну я-то не пьяная, что ты со мной так? Держи Милочку, я сама как-нибудь...

Милочка на удивление ловко спустилась на высоких каблуках с лестницы, держась за меня острыми коготками.

– Давайте, давайте в машину, быстренько, замерзнете, – продолжал обращаться к нам обоим Виноградов.

– Ты решил отвезти ее?

– Ага, ага... Костик, в Митино.

Костик, покосившись в зеркальце на Милочку, молча кивнул. Кого только он, наверно, не возил в этой машине.

– Саша, меня, пожалуйста, домой, вернее, на Маяковскую, к маме. Мне надо Варю забрать. Я понимаю, что ты хочешь...

Не могла же я при его шофере сказать, что теперь поняла, для чего он пригласил Милочку. То есть не поняла, а удостоверилась. Он хочет проверить, как я буду ревновать его. Посмотреть, как поведу себя, когда вот она – соперница. И он вроде и меня на коленки сажает, да уезжает с моей подружкой. Как я себя поведу? Может быть, это тест на совместную жизнь? Как я буду относиться к его баловству? Терпеливо и мудро? Снисходительно и с юмором? Или брошусь расцарапывать обоим физиономии?

– Саша, – спокойно сказала я. – Делай, что хочешь. Только сначала отвези меня к маме.

– Ага, ага...

Костя вопросительно посмотрел на меня в зеркало, потом – на него. Виноградов покачал головой:

– Всех в Митино. Трезвых, пьяных, мальчишек, девчонок...

Ладно, я же решила пройти этот путь до конца. Тем более что я хотела забрать у него пару Варькиных любимых книжек. Потому что ей всегда не хватает именно тех книг, которые мы в прошлый раз оставили у него или на даче.

Врешь, ты все врешь себе, Лена. У меня второй раз за вечер пронеслась мысль, которая меня ужаснула. Я посмотрела на Сашу и опять прогнала ее. Нет, да нет же... Неужели вот такой ценой я должна спасти... А зачем тогда спасать...? Да нет... Или... Пройти до конца? И понять все – про себя, про него, про нас? Может, и другие такой ценой спасают крепкие тридцатилетние браки? Ну, приблизительно такой? Когда очень тошно, но цель высока и всё оправдывает...

В машине Милка, естественно, уснула. По дороге мы еще останавливались, Виноградов выходил в супермаркет и вернулся с пакетом, в котором явно проглядывался классический «набор любовника»: конфетки, орешки, мартини, шампанское, водочка... Какое там Милочке еще шампанское!.. А я его терпеть не могу. Как же Виноградов любил раньше, особенно после длительных отлучек в другие квартиры, вдруг заявляться с таким набором! Молодой, бодрый любовник с праздничным настроением. И все так свежо, задорно, весело... Как, наверно, ему этого не хватало в несчастные полтора года наших псевдосемейных отношений!

Я позвонила Варьке.

– Варюша, ты что делаешь? Спать собираешься?

– Нет, – твердо ответила мне Варя. – Пока ты не придешь,

я не усну. А ты где?

На самом деле я никогда не оставляла ее на ночь ни у мамы, ни у кого-то еще. Да и сейчас не собиралась.

– Варюша, я скоро приеду...

Я поймала иронический взгляд Виноградова.

– Может, ты пока ляжешь, возьмешь книжку... А бабушка что делает?

– Изабелла ходит в маске.

Моя мама на самом деле Лидия, которую все зовут Лиля. Изабелла – это была часть ее сценического псевдонима. Но потом многие стали думать (возможно, им намекнула на это мама), что Лиля – уменьшительное от Изабеллы, и стали звать ее и так, и так. Ей действительно очень шли оба имени – и маленькое, тихо звенящее, ласковое Лиля, и это, второе, неожиданное имя с привкусом терпкого винограда и ночных кабаре.

– А-а-а... ну хорошо... А Павлик как себя чувствует?

– Павлика все время рвет...

– О, господи...

Мама сказала, что у него отравление, но мне почему-то казалось, что Павлик начал курить и поэтому его и рвет. По крайней мере, я очень четко чувствовала запах табака в их квартире, хотя там никто вроде не курит.

– А Игорек чем занят?

– Он сказал, что я буду главной героиней следующей игры, которую он придумывает.

– Прекрасно. А что ты там будешь делать?

– Ловить монстров. Потом один монстр окажется заколдованным принцем, сначала он мне съест руку, но рука потом вырастет и...

У меня начала садиться батарейка в телефоне.

– Варюша, друг мой, ложись и жди меня. Я скоро.

– Ты не скоро, Воскобойникова, и не надейся. Сначала ты мне отдашь все долги, которых набралось – ой-ёй-ёй...

Я постучала по сумке.

– Сколько?

– Не в том месте долги, не в том, – покачал головой Виноградов. – Слушай, ты думаешь, она скоро проспится?

– К утру, наверно...

– Ай... – он досадливо крякнул. – Кость, ты когда купишь аптечку в машину?

– Уже купил, Александр Ефимович. Валидол, аспирин, контрацептивы, бинты, йод.

Виноградовский шофер отличался невероятной наглостью – при его тщедушном телосложении это всегда производило впечатление. Сейчас он сказал это, даже не взглянув на Александра Виноградова. Костя разбил ему две служебные машины и проворонил личный «Мерседес». «Мерседес» угнали среди бела дня – Костя показывал его для продажи. Когда его потом просили описать внешность «Артура», который вскочил в машину и угнал ее, Костя с апломбом объяснял:

– Ну типичный азер! Арменин или чечен... Скорей всего башкир!

Второй потрясающей чертой Кости, особенно при его профессии, был географический кретинизм. Без преувеличения – если Косте нужно было хоть чуть изменить привычный маршрут рабочего дня «Митино – банк – другой банк – ресторан «Пушкин» или «Труффальдино» – домой в Митино», Костя доставал карту и смотрел:

– Та-а-ак, и где же эта улица Балтийская у нас находится...

К слову, Костя родился и вырос в Москве.

Все обычно спрашивали Виноградова – а зачем ему такой Костя. Не знаю, как другим, мне он объяснял, что Костя – надежный и проверенный человек. И сейчас Виноградов пропустил мимо ушей его реплику и вполне дружелюбно поинтересовался:

– Костик, а есть что-то от похмелья?

– Не-а, – ответил Костя. – Сейчас я этого уroda сделаю, – и стал «делать», то есть обгонять задастый «Лендкрузер».

– Тогда притормози у какой-нибудь аптеки.

– Саш, меня что-то укачало, купи мне, пожалуйста, нашатырь.

Виноградов купил в аптеке таблетки от похмелья, упаковку жвачки и нашатырь. Я открыла пузырек, понюхала и лишний раз порадовалась, что я умеренно ем и пью – иначе бы мне сейчас стало не просто душно.

Выходя из машины у своего подъезда, он бросил Косте:

– Завтра утром в восемь пятнадцать.

– А Костя не отвезет меня к маме? – Я спросила на всякий случай, хотя понимала, что планы у него другие, и они мне, как и весь вечер, активно не нравились. Но ведь я именно за этим пришла. Я решила пройти до конца, хотя и не знала – что там, в конце...

Я спросила, Виноградов – улыбнулся.

Неживую Милку мы уложили в гостиной. Я пошла на кухню заварить чай, а Виноградов открыл дверь ванной и пояснил мне:

– Я приму душ.

– Это лестно, – отозвалась я.

– Я как следует помоюсь, – он кокетливо посмотрел на меня и покрутил сильно располневшим за последние годы задом.

– Советую еще сбрить волосы на лобке и подкрасить губы.

– Ты заплатишь за эти слова, Воскобойникова, и даже еще не знаешь, чем и как.

– Неужели я чего-то не знаю о жизни? – самоуверенно отозвалась я.

– Может, ты чего-то не знаешь о себе? – улыбнулся Виноградов.

Он уже почти разделся и красовался в трусах. Я давно заметила – в периоды, когда в него в организме начинается гиперактивность половых желез, он меняет удобные немецкие

шорты, дальние родственники наших классических «семейных», на эластичные наглые плейбойские трусы.

Виноградов поплескался в душе, накинул один из своих вонючих махровых халатов – однажды все пять или шесть провалялись постиранные в стиральной машинке несколько дней и затухли. А поскольку у него почти отсутствует обоняние, объяснять ему, почему его халаты лучше выбросить – бесполезно.

– Могу и тебя помыть, – подошел он ко мне и сильно ущипнул за внутреннюю сторону бедра.

– Больно, Саша!

– Сейчас еще не так будет! – ухмыльнулся Виноградов. – Хватит изображать из себя китайянку... Чайные церемонии...

Он вынул чашку из моей руки и подтолкнул меня к ванной.

– Я ждать тебя, что ли, должен?

Понятно, значит, такая сегодня игра. Грубый коварный ковбой. Насильник с громадным, не помещающимся в тугие кожаные штаны, органом удовольствия. Скажи себе: «Я красивая», и так будут думать окружающие. Некоторые... Другие будут думать, что ты чокнутая.

Он смотрел, как я моюсь, но ко мне не прикасался.

– Сейчас, момент, – он вышел из ванной. Я слышала, как он открывает огромный шкаф-купе, перегородивший всю его достаточно просторную прихожую.

– Вот это надень, – он кинул мне какое-то светлое платье и поставил на пол коробку.

Я развернула платье. Похоже, что новое. Или почти... Я с сомнением понюхала платье.

– Никто еще не надевал! Специально для тебя куплено!

– А как же та девушка, новая?

– Мо-ра-то-рий, сказано тебе! Про ту девушку – ни слова! Платье надевай, трусы не надо, вот здесь, – он открыл коробку, – туфли. Тоже новые. У тебя же тридцать девятый размер?

– Всегда был тридцать восьмой, вообще-то.

– Ну ничего, велики – не малы. Надевай.

Он достал белые туфли на высоченной тонкой шпильке. Каблуки и носки туфель были покрыты золотыми скобами.

– Теперь иди сюда, – он с удовольствием поцеловал меня куда-то между шеей и ключицей. – Поставь вот так ногу, на стиральную машинку. – М-м-м... какой ракурс... а вот так... а если наклониться... м-м-м... прекрасно... идем...

Он провел меня в комнату, которая одновременно служила ему спальней и кабинетом.

– Не-е-ет, не на кровать, на стол садись, а ноги на стул поставь... Красиво, очень красиво... а теперь повернись ко мне спиной... Замечательно... Воскобойникова, да ты неправильно выбрала профессию!

– Еще не поздно сменить...

– Поздно, Воскобойникова, поздно. Ты уже девушка по-

жилая и веди себя соответственно – по жизни скромнее, в постели наглее.

– Вообще-то я сейчас на столе сижу.

– И на столе тоже – понаглее. Ножки раздвинь, чтобы мне что-то видно было... вот так, ага...

Я продолжала делать все, что он говорил, и чувствовала, что меня ненадолго хватит. Мне не было очень стыдно или противно, а мне опять, как уже несколько раз за последнее время в неприятной ситуации, становилось все хуже и хуже – стало нечем дышать, и лицо Виноградова, искаженное похотью, поплыло куда-то в сторону. На счастье, он как раз отвлекся на какой-то звук, раздавшийся в гостиной.

– По-моему, подружка твоя упала с дивана, – не подумав прикрыться, он абсолютно голый пошел туда.

– М-м-м... – раздалось через некоторое время. – Да что вы говорите... какая неожиданность...

Я сидела на столе и пыталась выдохнуть тугой комок воздуха, застрявший у меня где-то пониже ключиц... Костяшками больших пальцев я искала точки над бровями и стала их массировать. Качающаяся комната стала чуть замедлять свое движение. Я продохнула комок и обратила внимание, что в комнату вошел Виноградов, ведя за собой Милку со свободно мотающейся головой.

– Ну-ну-ну, вот так, потихоньку... только что такое мне сказала...

– Она может говорить? – услышала я издалека свой голос.

– И не только... Слушай-ка, а ты что это? Ты ж вроде не пила?

– Мне нехорошо, сейчас пройдет... У меня уже так было... Надо пойти проверить сосуды, у меня же было сотрясение мозга, помнишь...

– Да что ты? А там есть, что сотрясать?... Ну-ка, ты вот сюда располагайся, красотка... А тебе что дать? Перекись водорода, или что ты там нюхала в машине?

– Нашатырь и еще... ватку... надо...

– Ты многого от меня хочешь... сейчас, подожди...

Он принес мне бутылочку нашатыря и клочок ваты.

– Справишься сама? Слушайте, девчонки, вы мне удовольствие не портьте... Давайте-ка, в себя обе приходите... Идея! Дай-ка!

Он отобрал у меня вату, смоченную в нашатыре, и сунул ее под нос Милке. Та резко отбросила голову вбок, ударившись об стенку и заплакала.

– Да что же это! – Виноградов с досадой потряс ее за плечи, а та пьяная дурочка обняла его и затихла у него в руках. – Нет, так не пойдет!

– Саша, оставь ее в покое! Что ты от нее хочешь?

– То же, что от тебя! – Виноградов бросил Милку на кровать и подошел ко мне. – Тебе лучше?

– Ну да...

– Хорошо... – он приблизился ко мне вплотную.

Когда Виноградов подходил ко мне близко, соображения

морали, гордости, чести, будущих жизненных катастроф, вызванных его близостью, и прошлых незаслуженных жесточайших обид, следовавших за нею, отступали. Всегда. За четырнадцать лет я ему отказала в его естественном желании раза три, не больше. Может быть, такая его власть надо мной вызвана тем, что он мой почти единственный мужчина. Почти – потому что те жалкие встречи с другими, с кем я пыталась избавиться от Виноградова, и только убеждалась, что это невозможно, – не в счет.

– Ты видела себя в зеркало?

– Нет.

– Посмотри.

Он взял меня за руку и повел к огромному зеркалу в прихожей.

Я и забыла, что он напялил на меня какое-то платье.

– Это мне – подарок, да?

– Ну... вроде того... Спальный такой подарок.

– А это разве для сна?

– Нет, конечно, – он засмеялся. – Это для... Ну-ка встань вот так, ага, а теперь наклонись... видишь, как красиво, когда у такой скромной женщины в платьице почти до колен вдруг обнаруживается отсутствие трусов... Ага... А зачем ты туфли сбросила? Они тебе жмут?

– Нет, они спадают.

– Ерунда.

– Туфли тоже спальные?

Виноградов поцеловал мне ладонь, быстро принес туфли и надел мне на ноги.

– Вот, красиво. Теперь иди ко мне... Постой-ка...

Из спальни раздался голос Милки:

– Ой, где это я? Здесь есть кто-нибудь? А? Лю-ю-юди-и-и!..

– Есть, есть, лапушка, ты так не кричи, есть и люди, есть и другие девушки, не переживай!

Виноградов пошел к ней, из комнаты через мгновение слышалась возня.

– Вот так, какая девочка хорошая... Конечно, тоже пожила на свете уже годочков тридцать пять, да? А то и побольше... М-м-м... жалко... что... так... много... подожди-ка, ножку свою на плечо мне положи... и вторую... вот умница... м-м-м...какая умница... какая сладкая девочка... м-м-м... а вот теперь головку свою сюда положи... не-е-ет... не отворачивайся... ну-ка... ты же это любишь, правда, м-м-м... какая молодец... какая девочка... умелая... м-м-м...

Он глубоко задышал, я слышала это в тишине ночи. Из гостиной теперь раздавалось мерное хлюпанье, а я с задраным платьем сидела, замерев на диване, и не двигалась.

Да, мне тридцать восемь лет. Да, я видела с Виноградовым много плохого и странного, и такого, что не вписывается в моральный кодекс бывшего строителя коммунизма, которым я только собиралась стать. Кроме этого, в юности я ездила в стройотряд на третьем курсе, после чего троих на-

ших мальчиков чуть не отчислили за непристойное поведение. Я в их поведении не участвовала, но видела – это все происходило в нашей комнате, где спало двадцать семь девочек. За свою жизнь я несколько раз вместе с Виноградовым смотрела очень плохие, мерзкие фильмы, которые можно было бы объединить на полках видеомагазина под общим названием «Свальный грех». Вот так бы люди и выбирали: «Так... мелодрама... боевики... комедии... свальный грех, а по-нашему – групповой секс...» В главных ролях – немолодые женщины с надутыми парафином грудями, похожими на перезревшие дыни «колхозница», мулаты с бессмысленным взором и глупые, маленькие беспризорницы, выросшие, вероятно, в семьях алкоголиков и наркоманов – а иначе как бы девочки пошли сниматься в таких мультиках?

Да и «туфли спальные» на протяжении нашей жизни несколько раз уже фигурировали. Так Саше было почему-то интереснее, романтичнее. Сам процесс от этого никак не менялся. И меня это как-то перестало волновать. Ну туфли и туфли. У кого-то – пятно, поросшее шерстью, на спине, у кого-то волосы сыпятся, как листья в октябре, а у моего Саши – туфли на любимой женщине. Я ведь и мысли не допускала, что я что-то иное для него.

Но сейчас я, как будто мне сказали «Замри!», сидела на диване и не знала, что мне делать. Потом я опустила платье и тихонько встала, вышла в коридор и оглянулась в поисках одежды, в которой я приехала. Из комнаты теперь слы-

шались громкие всхлипы Милки. Вдруг они резко прекратились.

Виноградов вышел в коридор.

– Ты куда?

– Саша... – я попыталась освободиться от его руки, но он держал меня мертвой хваткой. – Саша, ты что, так решил меня наказать, да? Что, Милка и есть твоя женщина? Я ничего не понимаю... Ты что, заставишь меня это смотреть?

– Глупенькая... – Он крепко обнял меня и попытался зацепить зубами мои губы. Я вырвалась, но он подхватил меня на руки и понес в ту комнату, где была Милка.

– Саша, ты что?

Он положил меня на кровать, где уже валялась Милка, и сам устроился сверху, попытавшись овладеть мной тут же, без лишних движений и объяснений. Милка захихикала.

– Это кто? – Она, кажется, стала гладить мою ногу, торчащую из-под Виноградова и как-то ненароком зажала мою руку, которой я пыталась отпихивать Виноградова.

Странно, я всегда была уверена, что один мужчина изнасиловать взрослую здоровую бодрствующую женщину без ее согласия не может. Я попыталась укусить милого, дорогого, нежно любимого Виноградова, почти что Пер Гюнта моей жизни, за губу, но он в ответ очень сильно ударил меня по лицу.

– Ленка, это плохие игры, сильно не кусайся... Милка, а ты займись-ка делом, нечего отдыхать...

Бедная подружка моя опять захихикала и полезла по кровати на четвереньках к Саше. Я поддалась ему, и он перестал держать меня мертвой хваткой. Тогда я изловчилась и как-то вынырнула из-под него.

– Ты хочешь поменяться с ней местами, да, малышка?

Он, конечно, понял, что я хочу уйти, но испортить Саше удовольствие редко кому удастся. Он может и переделать сценарий.

Саша попытался опять навалиться на меня всем телом, но я-то знала одну его слабость. Виноградов обижается, когда ему всерьез отказывают. Навалиться-то навалился. И что?

– И что? – засмеялась я, почувствовав беспомощность его мгновенно обмякшей ковбойской гордости.

– Ты об этом пожалеешь! Замена, таким, как ты, быстро находится! Больше не ной, что вы жить без меня не можете, ты слышишь меня? Уходи отсюда! Пошла вон!

Он столкнул меня с кровати.

– Да я, собственно, и сама собиралась.

– Пошла, пошла! И больше не звони мне! И Варька твоя...

– Что? – я обернулась к нему. – Что? При чем тут Варька?

– Да при том! Ты и ее научила меня не уважать!

– Саша, это конец, – я уже стояла на хорошем расстоянии от него и смотрела на него.

Вдруг он мне показался старым, мерзким и совсем-совсем чужим. И мне опять стало не хватать дыхания.

– Конец, конечно! Только я тебе об этом сказал! Я! И дав-

но!

– Ты, ты...

Я нашла в коридоре свое платье, сбросила «спальные» туфли, надела сапоги, накинула шубу, взяла сумку и попыталась открыть дверь. Новый хитрый замок с секретом... Повернуть направо, потом налево, потом опять направо и нажать ручку. У меня ничего не получилось. Я стала поворачивать снова. И услышала, что сзади подошел Виноградов. Я обернулась. Он шел ко мне с хорошим лицом, сзади него из комнаты стала выползать на карачках Милка. Ее достаточно большие груди болтались, как недавно моталась на шее голова. Шлеп-шлеп...

Я не знаю, зачем он подошел ко мне. Скорее всего, чтобы помочь открыть дверь. Но я размахнулась и дала из всех моих сил ему по морде.

– За Варьку, – пояснила я.

Он тоже размахнулся и изо всех сил ударил меня по щеке.

– Дрянь, достала меня, человеческий облик теряю, – с сожалением сказал он. Открыл дверь и, похоже, собирался вытолкнуть меня.

– Подожди, мне надо забрать Милку. Я ее сюда, получается, привела. Мила! – Я хотела подойти к ней, а Виноградов загородил мне дорогу.

– Смотри, – он набрал номер на городском телефоне, включил громкую связь, чтобы был слышен разговор. Я услышала длинные гудки и сладкий сонный голос:

– Алё-о...

– Алё, мой котеночек, – еще слаще промурлыкал Виноградов. – Я тебя люблю, особенно твои сладкие ножки...

Милка, так и стоящая на карачках и что-то сосредоточенно рассматривающая на ковре, медленно подняла голову и удивленно спросила:

– Это ты мне?

– Тебе, тебе, – я прошла мимо Виноградова, на ходу оглядываясь в поисках ее одежды. – Вставай, прошу тебя, соберись, сейчас приедет полиция, надо срочно уходить.

– Полиция?! За мной? – Милка решительно встала и, разумеется, тут же загремела вниз, громко ударившись головой об пол. Милка заплакала. – А п-почему? Я что-то сделала вчера, да?

– Да, да, давай скорей,

– Целую, любимая моя девочка, – громко произнес Виноградов.

– И я тебя... – ответил простоватый тянучий голосок.

– А куда ты меня целуешь? – Виноградов с улыбкой смотрел, как я пыталась поднять Милку во второй раз и натянуть на нее длинную юбку, в которой она вчера пришла. Сейчас юбка была похожа на бесконечный зеленый блестящий чулок. Я не смогла понять, где верх, где низ, и натягивала как попало.

– Куда целую? Ну-у... куда и ты меня...

– А у меня такого места нет, как у тебя...

Совсем некстати мне подумалось, что все-таки не зря раньше по кодексу чести были такие слова, даже не поступки, а слова, за которые один рыцарь или корнет убивал другого. Вызывал на дуэль и – бах! И обидчик падал. Или корнет падал, не в силах слышать таких плохих слов. Жизнь отдавал, чтобы люди не говорили таких слов.

– Милочка, Милка, ну, пожалуйста... пошли быстрее... – я тащила ее, а она пыталась найти вторую перчатку.

– Слушайте, тетеньки, мне вообще-то спать надо, – Виноградов, абсолютно голый, сложил руки на груди и стоял, расставив ноги и развесив, соответственно, то, что только в виде горькой шутки можно было в такой ситуации назвать его мужским достоинством. – Давайте уже как-нибудь поэнергичнее! Имей в виду, Лена, я все это сделал для тебя.

– Что?.. – у меня опять так застучало сердце, что я не сразу смогла вдохнуть.

– Конечно. Мне ведь ничего больше от тебя не нужно... ну вот только разве что так... А тебе-то нужно, правда? Ты же просила меня вернуться? Вот я и вернулся, а ты не захотела. Теперь пеняй на себя...

– Подлец...

– Слушай, ты! Иди отсюда, прошу тебя, видеть не могу твоей зареванной морды... – он выразительно скривился. – И еще. Чтобы без всяких демаршей и фокусов! Варька – моя дочь. Я буду видеться с ней, сколько захочу. Если захочу вообще. Ясно?

Я ничего не ответила. Я думала о корнете. У меня был такой прапрадедушка в девятнадцатом веке. Это самая любимая и драгоценная легенда нашей семьи. Он погиб на дуэли, которую сам устроил из-за того, что его товарищ оскорбил женщину, которую мой прапрадедушка первый раз в жизни видел.

Когда я была маленькой, бабушка не могла пропустить ни одной моей слабости или вранья, или трусости, чтобы снова и снова, с разными подробностями, не рассказать мне в назидание эту историю. Когда я подросла, то сама через пятое на десятое прочитала дневник матери этого корнета, с «ятями» и всякими непонятными мне тогда словами вроде «террибль» и «пердимонюкль».

Так что это был самый ужасный пердимонюкль в моей жизни – я имею в виду ту ночь в Митино.

* * *

Я отвлекла Милку к ней домой. Решила, что надо перед ней извиниться, когда она протрезвеет, и подумать, как можно ей помочь. Затем я на том же такси поехала к маме. Шел второй час ночи. Варя сама мне позвонила на мобильный и сообщила, что у нее болит живот. Я очень надеялась, что она это придумала, но, имея в виду непонятную болезнь Павлика, заспешила к ней, зная, что мама не догадается дать Варю ни угля, ни зеленого чая.

Дверь мне открыла мама, она еще не ложилась.

– Ну как? – спросила мама.

– Да! – отмахнулась я по возможности легко. – Можно было не ходить.

– А платье у тебя почему задом наперед надето?

– А... Это фасон такой, мам...

– Ясно, – мама поправила бирочку фирмы, вылезшую впереди у ворота. – А глаза заплаканные – тоже фасон?

– Мам... Я с Сашей рассталась.

– Я поняла, – мама тяжело вздохнула. – Если бы меня попросили проползти от дома до Красной Площади на коленях, я бы проползла, лишь бы только это случилось. Девчонка твоя совсем растерянная какая-то в этот раз. Знаешь, лучше никакого отца, чем такой.

– Мам, ты серьезно?

– Серьезней не бывает. У ребенка совсем разорванная душа, вашими компромиссами разорванная. Спокойно рассуждает про папиных «тетя»! Ну что это! Лена! Базовые ценности в душе, по крайней мере, должны лежать по полочкам. Это – любовь, а это – гадость, это – верность, а это – подлость. Понимаешь?

– Понимаю, но ненавижу это твое «по полочкам»!

– Скажи по-своему.

– У каждого свои полочки... – вяло попыталась поспорить я, хотя знала, что мама права. Просто не надо это так протокольно выговаривать вслух.

– Нет! Нет, Лена! Открой Библию!.. Если не веришь – открой Коран, почитай Конфуция... Люди ли это сами написали, или кто-то пришел и сказал это – неважно! Важно, что там все одинаково, в сущности, написано – про главное! Хочешь полочками назови, хочешь – заповедями, хочешь законами человеческими...

На мамин громкий голос вышла полураздетая Варька.

– А я заснула, когда ты сказала, что сейчас приедешь.

– Поехали, – я подошла к ней, обняла.

– Нет уж, – вздохнула мама, – с таким фасоном платья ты оставайся здесь.

У меня быстро пронеслась мысль, что красок у меня с собой нет, к утру нареванные глаза отекут, так что за завтраком я не буду очень компрометировать маму перед Игорьком своей молодостью.

– А как Павлик?

Мама улыбнулась.

– Маленькие детки – маленькие бедки. Большие детки...

Глупостями не надо заниматься, рвать не будет.

Я легла вместе с Варькой на старом кожаном диване, в библиотеке, которая когда-то была папиным кабинетом. Дочка заснула сразу, а я, обняв ее, пролежала до утра, пытаясь вспомнить хоть одну молитву. Я помнила начало «Отче наш» и конец молитвы оптинских старцев – «научи меня молиться, надеяться, верить, терпеть, любить и прощать».

Молиться я практически не умею – очень жаль.

Надеяться... В жизни с Сашей надеяться не на что. Значит, надо надеяться на другое.

Верить в Бога. Для меня это абстрактное понятие. Конечно, верить я не умею. Но хочу, очень хочу.

Терпеть – боль, которая заполнила всю мою душу, и не впадать в отчаяние.

Любить... Любовь к Саше заполнила не только всю мою душу, но и всё существо. Но ведь эта моя любовь сродни болезни... Выздоровливать. И любить – всех остальных моих близких, прежде всего – Варьку.

Прощать... Я первый раз в жизни, кажется, поняла эту чудодейственную формулу:

ненавидишь, мечтаешь о мести – значит, тяжело тебе самой, физически тяжело, не говоря уж о душе. А если прощаешь – становится легко. Почему я не знала этого раньше?

Только ведь простить не так легко. Но надо стараться, говорила я сама себе всю ту ночь. Не просто сказать «прощаю», а на самом деле простить – иначе жизни не будет, будет мрак и мучение – у меня самой. Простить и отпустить. Освободить свою собственную душу от боли, воспоминаний, сожалений о том, что было и чего не произошло. Только тогда станет легко.

Глава 6

Больно, больно, больно, больно... Плохо, тошно, страшно... Дни идут, а легче не становится, особенно тошно по утрам, когда открываешь глаза и понимаешь...

Но надо вставать, надо кормить Варю, надо вести ее в школу...

Я прочитала вполголоса «Отче наш», молитву, которую старательно учила на ночь, запнулась на второй и на последней фразах, но тем не менее стало легче, и встала с постели. Я прощаю Сашу, я ничего не боюсь, я обязательно найду работу, у меня есть еще деньги, у меня есть замечательная верная подруга...

В конце-то концов, Лена, жизнь продолжается! Я заставила себе встать, посмотреть в окно, где было еще темно, улыбнуться своему грустному отражению в зеркале.

У меня закружилась голова и перед глазами полетели маленькие зеленые мушки. Так, что-то со мной неладное. Надо, наверно, сходить сегодня к врачу. Но к какому? К невропатологу? К терапевту? А может, пойти в какой-нибудь диагностический центр, где меня посадят за компьютер, присоединят проводки ко всему телу, найду у меня тысячу болезней и пропишут лекарств на тысячу долларов? Или поездку на Тибет?

Я отвела Варю, вернулась домой, хотела позвонить маме –

посоветоваться, потом передумала. Ведь если у меня что-то найдут... Вряд ли я ей скажу. Вряд ли вообще кому-то скажу. Мне почему-то становится хуже оттого, что я рассказываю о своих бедах. Тогда беда как бы материализуется, начинает жить отдельно от меня. Надо отвечать на вопросы, надо ее детализировать, изучать, переворачивать туда-сюда. Беда уплотняется, наполняется энергией сострадания или чужого злорадства. Теперь я уже невольно думаю не только о ней самой, но и об отношении к ней других. Дальше – больше. Она меняет мои отношения со знакомыми и близкими...

Нет, нет... Никому ничего говорить не надо. Я подумала и позвонила в диагностический центр в больнице, неподалеку от нашего с Варей дома, записалась на разные анализы и компьютерное обследование мозга. Мой небольшой медицинский опыт, какой есть у любой матери, подсказывал мне, что начать надо с банального анализа крови, его я сделаю прямо сегодня, еще успею. А завтра...

Я взглянула на нераспакованные коробки, которые так и простояли полтора месяца за шторами. Саша подарил мне на Новый год большой плоский монитор и новый процессор – супербыстрый, суперумный. Можно, конечно, отдать ему подарки... Но мне нужен новый компьютер, мой старый уже бесполезно модернизировать. Можно обходиться ноутбуком, но он тоже быстро устарел, надо менять. На все про все тысячи три долларов нужно, если покупать хорошее. А у меня практически нет никаких накоплений. Я трачу все, что

у меня есть, и иногда еле-еле доживаю до зарплаты.

Хотя я знаю, что с моей ежемесячной суммы – стабильная зарплата + гонорары за статьи в журналах + «алименты», которые Виноградов просит алиментами не называть – другие женщины скопили бы за год денег на шубку из хорька, как минимум.

А я трачу деньги на ерунду – на кремы, которые часто не подходят моей коже, на такси – я так и не научилась пока водить, и у меня нет своей машины, на одежду. Я не покупаю по-настоящему дорогой одежды – на это у меня нет средств. Но я часто покупаю новую одежду – Саша терпеть не может, когда я больше пяти раз ношу одну и ту же кофточку. Я давно заметила это и объяснила себе – в новой одежде я вроде как новая женщина. Как же я всегда боялась этой его странности! И не зря боялась.

Ну что, повезу-ка я компьютер ему обратно. Вроде как волевой поступок. Глупый, но показательный. И заберу заодно наши вещи из его квартиры. Завтра как раз четверг, у него в одиннадцать утра всегда приходит убираться домработница.

Я взяла еще фильмы, которые он очень давно привозил, чтобы приобщать меня к мировой порнографии. Можно было бы просто выкинуть эту гадость, но я не хотела, чтобы он думал, что я одна смотрю их. Я поймала себя на этой мысли и на секунду даже присела на диван. Как же так? Даже после того, что произошло в ту ночь с Милкой, меня все еще волнует, что он обо мне подумает? Я не прошла этого пути до

конца? Значит – нет, честно ответила я себе. Значит, что-то – очень плохое – еще впереди. Раз я не успокоилась. Тем более – фильмы надо отдать. И золото, это я решила еще вчера... Подарок на мой день рождения.

Мы целый месяц отдыхали в Турции. Это была замечательная поездка. И было это совсем недавно – несколько месяцев назад. По огромной территории отеля с благостным названием «Марти Мира» ходили гуси, павлины, упитанные куропатки. Детям разрешали кормить кроликов, которые жили в большом вольере, и черепах, неторопливо передвигавшихся за низенькими деревянными заборчиками.

Мы только раз поссорились – в самом начале, когда Виноградов три дня подряд напивался так, что не мог разговаривать.

– Это компонента отдыха! В Москве я не могу себе такое позволить! – говорил он утром и с полудня начинал пить.

Он пил все подряд. Виски с крупно наколотыми кусками льда – после утреннего волейбола, ледяное пиво – после первого купания, рюмочку-другую коньяка с кусочком лимона и крохотной чашкой кофе – перед ранним обедом, бутылку кислого красного вина за обедом... Потом Саша падал в номере и засыпал до вечера. А вечером продолжал.

Но когда на четвертый день он упал на улице, я попросила его так не пить. Виноградов полез драться, к ужасу окружающих немцев.

Весь следующий день мы отдыхали отдельно – это было

легко сделать, поскольку мы жили в соседних номерах и приходили друг другу в гости через балкон. Потом помирились, но он вовсе не благодарил меня за то, что я остановила пьянку. Он сердился, но больше так не пил. Если бы я знала, что через четыре месяца он найдет себе котенка со сладкими ножками, я бы так не волновалась о его здоровье. Но я же собиралась с ним жить до самой старости. Я думала, что, наконец, Виноградов нагулялся, захотел тихой гавани, большого дома, детского смеха по утрам...

У меня приближался день рождения. Он попросил меня выбрать себе что-нибудь хорошее в подарок. Что хорошего можно выбрать в Турции? Я не очень стесняюсь того, что люблю красивые украшения. «Украшения на елке, украшения на маме», – как-то прокомментировала это четырехлетняя Варька и спросила: «Мам, когда ты умьёшь, ты оставишь мне все свои кольца?..»

Александр Виноградов был потрясен чудесами наследственности. Примерно в таком же возрасте он беспокоился, оставит ли ему отец свой «Москвич», когда умрет. Я в ответ могла только рассказать, что лет до восьми всё искала волшебную палочку. Цель у меня была конкретная, точнее их было две – превратиться в красивую принцессу и сделать так, чтобы моя мама, папа и бабушки с дедушками не умирали никогда.

В турецком магазинчике с помощью прицокивающего и причмокивающего продавца я выбрала несколько красивых

и не самых дорогих украшений. Виноградов как-то странно реагировал.

– Это ведь недорого, Саша, да? Колечко двести долларов, а подвеска...

– Не надо унижать меня при людях, – проговорил с улыбкой Саша. – Лена.

Я и поверить не могла, что он сердится. Я думала – ему плохо от жары или он опять объелся и выпил каких-то таблеток для ускорения пищеварения – чтобы побыстрее переварилось то, что переел в обед, и можно было снова с аппетитом набрасываться на еду.

– Ты нормально себя чувствуешь? – спросила все-таки я, видя, как Саша смотрит на меня бешеными глазами и пританцовывает на месте.

– Я – нормально, – ответил он. – А ты?

– Тебе никуда не надо отбежать? – я постаралась спросить это как можно деликатнее, но Виноградов все-таки обиделся.

– Надо. Но если я скажу – куда, вряд ли тебе это понравится.

Интересно, был ли тогда уже на горизонте котенок? А может, и был. Я же не знаю, где он его, то есть ее, взял. Возможно, и вовсе не на помойке. С чего это я решила, что Саша Виноградов находит себе котят для удовольствий на помойках? Не соорудили еще ту помойку. Скорее всего, бегают этот котенок в одном из Сашиних банков, разносит какие-нибудь

бумажки или учиться сводить дебет с кредитом, старательно наращивает ногти, мажет весь день губы липкой ароматной помадой и сильно-сильно душится какими-нибудь новомодными духами, аромат которых напоминает воздух во влажной ванной комнате, в которой только что долго мылась сладким гелем сильно пьяная женщина.

Так что же из моих богатств вернуть Саше? Я держала в руках сережки с лунным камнем, такое же кольцо, колечко с крохотным сапфиром и подвеску с бриллиантиком на очень необычной цепочке – переплетенные нити белого и желтого золота. Почему-то лунный камень, хотя я его сама выбрала, вызывал у меня тоску и странное ощущение тяжести. Вот, этот комплект я и верну.

Остальное оставлю в наследство Варьке. Это не драгоценности в полном смысле слова – они ничего не стоят, особенно если вдруг продавать – трехсот долларов не дадут за все. Это просто красивые вещи. Действительно, как на елке – так стоит себе зеленая елка и стоит, а набросишь на нее блестящие гирлянды – получается «красивая елочка»! Красивая убогая мамочка, позволявшая человеку, с которым столько лет встречалась, унижать ее жадностью.

Наступила ночь перед «разводом», так назвала я для себя то, что собиралась сделать завтра. На самом деле, вопреки обычным виноградовским обвинениям, я толком-то от него не уходила. Ни разу. Подарки, бывало, возвращала, но это

было еще до Вариного рождения. С дачи месяц назад уехала – так это была генеральная репетиция. Я не могла объяснить, но чувствовала – что-то происходит. Он уже тогда встречался и с котенком, и с двумя студентками строительного колледжа, о которых сам спьяну проболтался – уж больно сильно они его поцарапали, будущие дипломированные малярши, было уже не отвертеться, не свалить все на банный веник, как обычно. Как знать, может, котенок – одна из них... Котенок-маляр, трогательный, грязный... Его можно отмыть, поиграть и выбросить. И можно и не выбрасывать. Посмотреть, что вырастет. Вдруг – получится шикарная дикая кошка, почти как у соседа – тоже нашел у подъезда, сидела с сумками, не знала, где ночевать. А смотрите, что вышло, когда помыли и одели. Модель, Саша ходит – облизывается.

Я легла спать, и мысли стали носиться в голове, как отпущенные на волю после месяца на цепи гончие. Не вполне нормальные к тому же. Я старалась уцепиться хотя бы за одну и с ней вместе поскакать туда-сюда, обратно, и остановить ее на скаку, но ни одна не давалась. Об этом, о том, без начала, без конца...

О Варе – как он недавно завернул ее в коровью шкуру, лежащую на его кресле, и со злостью бросил на деревянный пол. «Уйди от меня, поганая девчонка!» – орал он потом на нее, когда девчонка ходила просить неизвестно за что прощения к нему в комнату... Как за что? За слабость и глупость своей мамы, заставлявшей ее ходить и каяться – ведь папу

надо уважать несмотря на и вопреки...

Я маялась-маялась, почувствовала, что, если не запишу хотя бы половину сбесившихся мыслей – меня разорвет. Я поставила большого лохматого льва на край дивана, чтобы свет от настольной лампы не мешал Варьке спать, и включила свой старый компьютер. Нормальный компьютер, тормозит немножко – так я привыкла, не подводит, не виснет – да и ладно.

Прежде я всегда работала ночью, но с тех пор, как появилась Варька, предпочитаю пораньше встать, хотя мне, сове, это безумно трудно. Тем не менее утром, после двухминутной зарядки, холодной воды и чашки обычного растворимого кофе, у меня вполне ясная голова.

Сейчас, глядя попеременно на темное небо за окном и на светящееся поле монитора, я попробовала записать все, что меня мучило, потом открыла начатую статью, но, то ли от усталости, то ли от чрезвычайного расстройства связи между словами не устанавливались.

Тогда я выключила компьютер и прилегла рядом с мирно сопящей Варькой. Что ей сейчас снится? Я надеюсь, что-то хорошее и детское, не имеющее отношения к моим передрагам.

Рядом с моей подушкой уже месяц лежала книжка Веры Павловой, удивительной, откровенной и очень разной поэтессы. Я открыла наугад и наткнулась на стихотворение, которого раньше не замечала – значит, еще не понимала его.

«Всякий слышит лишь то, что понимает», как говорил кто-то из древних, кажется, Плавт. Сейчас же я была потрясена стихотворением, читала его взад-вперед, пока не уснула.

Проснувшись в пять утра, я почувствовала под щекой край книги, открыла глаза, наткнулась на уже знакомые строчки:

«Смысл жизни младше жизни
лет на тридцать-тридцать пять.
Полагается полжизни
ничего не понимать.
А потом понять так много
за каких-нибудь полдня,
что понадобится Богу
вечность – выслушать меня».

Спасибо, Вера, за эти строчки. Ты еще уверена, что Бог будет тебя слушать! Значит, не такая грешница, как я...

Я встала, умылась попеременно холодной и горячей водой и села за стол. Хорошее начало будет для письма, подумала я. Взяла ручку и стала писать Саше письмо, от руки. Все-таки написанное на компьютере письмо – это не письмо. Так, суррогат.

«Саша, в какой момент тебе вдруг показалось, что мир – это огромный бордель, где ты можешь свободно выбирать женщин, приходиться-уходить, на глазах у всех?

Отчего это, Саша? Ты стал богатым? Ты – хозяин жизни?

Или тебе страшно – приближается старость, и ты хочешь все успеть?

Или просто – ты заполняешь пустоту, которую никак и ничем не можешь заполнить?

Мне казалось, чего проще – заполни пустоту нашей любовью, нашей с Варей нежностью. Подумай – так ли много людей в мире, которым мы по-настоящему нужны?

Так ли много женщин, способных простить тебе то, что ты вытворяешь?

Так ли много у тебя детей, в конце концов, чтобы легко отказываться от радости быть отцом? Что-то я не слышала историй о счастливых субботних папах и об их счастливых детях...

Саша, не в моих правилах учить.

Но спрошу тебя напоследок: а как же – душа, Саша? Что там останется? Лживые глаза случайных женщин и влажная неразбериха тел, чужих, разных?

Или душа сейчас не главное? Ты не в это играешь?

Ну, а Бог? Он, конечно, много лишнего говорил в свое время, правда? Лишнего для нас. Зачем они нам, людям сильным и свободным, эти трудные в практике и сомнительные истины...

«А! Всё равно все помрем!» – скажешь ты. С этой точки зрения – да, конечно».

Чем дольше я писала, тем сильнее меня увлекало это за-

нятие. Мне казалось, что я говорю с ним, вижу, как он кивает, то вдруг морщится, словно от боли, то отворачивается, и когда поворачивается ко мне – я замечаю у него в глазах слезы. Я сама несколько раз принималась оплакивать написанное, и писала все дальше и дальше, все больше и больше...

«А вдруг будет хуже?» – думала я.

«Нет, хуже не бывает!» – отвечала я сама себе и увлеченно строчила дальше.

«...Смотри, Саша, какая чудесная фраза:

«Свободен лишь тот, кто утратил всё, ради чего стоит жить».

Это Ремарк, написавший много слегка устаревших и длинноватых романов, – он тоже глупец, да? Что писал, за чем – ни котят, ни смелые обладательницы разноцветных челок и фигурно выстриженных лобков его книг все равно не читают. Но не теряют от этого своего магического обаяния и привлекательности, ведь так?

А вот Евангелие, Саша: *«И познаете истину, и истина сделает вас свободными».*

Скорей всего, ты ее познал, свою собственную истину. И ты бесконечно свободен – в выборе женщин. Никто и ничто тебя больше не сдерживает: в напитках, в количестве съеденной пищи, которую тебе надо переварить...

Ешь, пей, совокупляйся – живем снова, помрем в одиночку, не надо – о душе! Любовь – болтовня, есть мощная

эрекция – вот вам и вся любовь, будем любить снова и снова, всё новых и новых... И никто нам не указ!

Но почему же тогда так тошно по утрам, правда?»

На этом месте я попробовала прочитать написанное, с трудом справилась с собственным почерком, два-три слова перечитывала и так и так, но все равно не поняла. Ясно было: надо включать компьютер. Саша глаза ломать точно не станет. Переписала с исправлениями уже сотворенное и понеслась дальше.

«...Помнишь, как спрашивают в церкви, когда венчают: «Клянетесь быть вместе, до конца дней своих в горе и радости?»»

Нет радости, если только за ней, за радостью, на пятнадцать минут приезжаешь. А как ты хотел – ребенок будет бежать к тебе с сияющими глазами, если ты решил, что в твоей жизни и душе не хватает для него места?

...Наверно, не нам с тобой переписывать человеческие законы...

Ты мне говорил: люди по-разному живут... Да, по-разному. Кто-то сады разводит, кто-то органы украденных детей продает.

Кто-то живет с одной женщиной, кто-то позволяет себе минутные слабости, а кто-то позволяет себе вообще все. Ты выбрал, ты решил, это твоя жизнь.

Как все-таки жаль, что растерянному человеку в огром-

ном мире приходится самому решать, как жить.

Снимай шапку в церкви – не снимай, ничего не помогает.
Ты – один...

...Больше нет сил, Саша. Я не хочу инфарктов и инсультов.

Ненужная, рожденная против твоей воли девочка...

Ненужная, истерзанная тобой я...

Помнишь, я сказала тебе в машине: «Я тебя люблю». А ты молча повернулся и уехал к другой. Ты мне ответил, я тебя слышала. Я больше не скажу этого, Саша.

...И еще. Ты никогда сам, без всяких книжек, не думал – зачем пришлось Богу приходиться на землю две тысячи лет назад? Если ты, конечно, веришь, что он приходил... Зачем, кому, кем все это было сказано?

Чтобы не ели человечину, чтобы не убивали без оглядки, чтобы не совокуплялись без разбора, чтобы не натирали неразумные свои органы наслаждения об животных, не для этого органы были придуманы. Для продолжения своей коротенькой жизни в вечности эти органы нам даны, Саша. Ну и, может быть, чтобы наша короткая жизнь чуть веселей была.

...Я всё понимаю. Я всё так ясно вижу сейчас. И всё равно... Больно, плохо, страшно. И всех жалко.

Это письмо – вряд ли волеизъявление. Это, скорее, крик раненого, такое вот – «А-а-а-а-а» – на три с половиной страницы.

...И познай истину, и она сведет тебя с ума...»

Когда я закончила писать, на часах было без пятнадцати семь. Через двадцать минут будильник в телефоне заиграет «Полонез Огинского». Или нет, какой день сегодня? Четверг? Значит, «Песню Сольвейг». Я прилегла к Варьке, обняла ее, тепленькую, любимую, и уснула.

Мне приснилось лето, Варька бежит ко мне босиком по траве, у Виноградова на даче, только дача другая какая-то – вместо темного леса за забором – вокруг поле с цветами и нет никакого забора. Но я знаю, что где-то есть Саша, я его не вижу, но у меня такое хорошее чувство, такое теплое. А Варька смеется, бежит ко мне, протягивая крохотные цветки – трогательно любимые ею пухленькие, тугие маргаритки, белые, густо-розовые, малиновые...

* * *

Около десяти часов я позвонила домработнице Виноградова, удостоверилась, что она пришла к нему убираться, предупредила, что сейчас приеду, привезу компьютер.

– Привозите, я на месте, – сухогато ответила мне домработница.

Она, видимо, подумала, что я решила подарить любимому человеку компьютер, в честь нашей большой и светлой любви. Я положила в прозрачную папку письмо, которое писала

с пяти утра. Мне казалось, что вот прочитает он это – и что-то дрогнет в его душе. Нет, не то, чтобы я надеялась, что он прибежит со словами раскаяния, но что не так безоглядно будет бежать от меня прочь.

Драгоценности я положила в целлофановый пакетик и сунула туда записку: «Отдаю тебе дорогие моему сердцу вещи, это слишком горькая память о тех днях, когда мы были вместе».

Я попробовала поднять коробки с компьютером и монитором и ахнула. Да они, оказывается, тяжелые! Надо вызывать такси – я даже до дороги с ними не дойду. Так лучше я отвезу их на дачу, какая разница, все равно туда точно на такси ехать. А сейчас в Митино проще доехать на метро, а не продирается в безумных пробках сквозь плотно забитое машинами Волоколамское шоссе.

Домработница Марина давно бы должна была называться по отчеству, если бы имела другую профессию. Встретив ее на улице, никто бы никогда не подумал, что она убирает квартиры. Подозреваю, что раньше она работала где-нибудь научным сотрудником, младшим, а, может, и старшим. Может, работает и сейчас. Просто денег не хватает – не на удовольствия, а чтобы прожить, оплатить квартиру, учебу детей и так далее. А Виноградов платит ей пятьсот долларов за то, что она два раза в неделю убирает пустую квартиру, в которой почти не готовят еду, не болеют и не играют дети. В этой квартире только пьют и развлекаются с женщинами. Хотя от

этого тоже бывают издержки.

Года два назад Виноградов вдруг резко начал ремонт в квартире, с помпой, переехал жить на дачу, даже спал у нас на полу раза два в неделю. А ремонт в результате оказался просто срочной заменой обоев. Наверно, были причины, по которым нужно было во всей квартире сменить практически новые обои.

Марина отперла мне дверь и молча ушла в комнату гладить. Я же открыла шкаф и для начала не нашла своего короткого шелкового халатика, который обычно висел среди его рубашек. Потом я открыла обувное отделение – ни одной пары моих туфель – а должно было быть три.

Я заглянула в ванную. Наших зубных щеток в стаканчике с Варькой не было. Зато рядом с Сашиной торчала чья-то еще.

В комнате, где гладила Марина, обычно лежали Варины книжки и игрушки. Сейчас ничего не было.

– Марина, а вы не знаете, где Варины куклы?

– За шторой, на окне, – ответила Марина и быстро, но внимательно взглянула на меня.

Я взяла все с окна. Мне вдруг стало жарко. Главное, чтобы сейчас не стало дурно и не затошнило.

Я зашла на кухню. На кухонном столе я увидела роскошный букет тюльпанов. Тюльпанов – не хризантем... Мне Виноградов много лет упорно дарит белые хризантемы, которые я не люблю. Но зато они практичные – стоят две, а то и

три недели, если менять воду. Я меняю и вынужденно вдыхаю их запах, который почему-то напоминает мне одно морозное утро...

Еще до Вариного рождения Виноградов однажды позвонил мне рано-рано утром и сказал, что приедет. Никак не объясняя – зачем, почему. А что тут объяснять – причина та же. Пахнувший морозом Виноградов, не теряя ни секунды, не говоря ни слова, как обычно, энергично провел интимное мероприятие и сказал мне: «Одевайся!» Я, ничего не спрашивая, быстро оделась, мы вышли, сели в его машину и куда-то поехали. Мы приехали на стройку.

Практически законченный новый дом, один из первых в Москве многоэтажных монстров нового времени, был еще обнесен забором, и поднимались мы на самый верх на внешнем, строительном лифте. Последний этаж, где мы вышли, был, наверно, тридцатый или тридцать пятый. Женщина, провожавшая нас туда, сказала: «Я сейчас!» – и уехала на лифте вниз. Я вопросительно посмотрела на Виноградова, а он, по-прежнему ни слова не говоря, взял меня за рукав и повел в одну из квартир.

Двери были еще не заперты, но в окнах уже были вставлены стекла. Все равно было очень холодно. Поэтому, когда Виноградов, оглянувшись на полуприкрытую дверь, стал расстегивать ремень, я вздрогнула, как будто раздели меня. «Иди сюда», – сказал Виноградов и стал смотреть в огромное, диаметром не меньше двух метров, круглое окно. По-

том он закрыл глаза. Когда открыл, снова оглядел Москву с высоты полета военного вертолета и сказал: «Красота». Он сжал мою руку, и мне показалось, что он сказал это о том, что сейчас было.

Мы молча стояли и смотрели на непривычный вид города. Было видно далеко – Тушинский аэродром, все старые высотки по кругу, Ленинградский проспект.

– Как будто мы летим на вертолете, да? – я прижалась к нему.

– Ага, – отозвался Виноградов и стал подниматься на второй этаж. В квартире, оказывается, был еще и второй этаж. Он походил там, молча спустился и сказал: – Пошли.

Мы спустились вниз на строительной люльке.

– Понравилось тебе? – спросил он меня, когда мы сели в машину.

– Ну да... – неуверенно ответила я.

– А мне что-то не очень, – пожал плечами Виноградов.

И никогда не объяснил, зачем мы ходили тогда смотреть ту квартиру. Но у меня так и остался в носу волнительный, морозный запах чуть разреженного воздуха, его близости, неоконченной стройки, каких-то произнесенных обещаний...

И хризантемы, которые он дарит десять лет подряд, пахнут тем же.

А тут стояли тюльпаны. Огромные, свежие малиновые тюльпаны с яркими желтыми полосками. Тугие и плотные,

наверняка голландские, опрыснутые специальным раствором, от которого цветы становятся как восковые и долго не жухнут. Штук пятнадцать прекрасных тюльпанов, а может, и больше...

Я положила папку с письмом в холодильник, стараясь не оглядываться на букет... Так он точно вечером найдет письмо, когда полезет за пивом. Сюда же я положила пакет с драгоценностями.

Остались вещи в шкафу. Варькины пижама и маечки, мои кофточки, короткие шелковые рубашонки, в которых можно и спать, и завтрак готовить. Симпатичная будущая жена в очаровательных гипюровых штанишках... Еще бы чуть ума этой жене...

Я открыла шкаф. Наши вещи лежали на месте, чуть сдвинутые вглубь и прикрытые его шарфами. А на соседней полке, низко, на уровне моего пояса, там, где я обычно машинально хватала чистые полотенца, валялась куча чьего-то нижнего белья. Застиранные лифчики, вывернутые наизнанку трусы, черные блестящие колготки... Я стояла и молча смотрела на это, не трогая. Из-под белья свешивался рукав блузки, с длинной манжетой. Я заметила автоматически, что лифчики очень маленького, вероятно, нулевого размера. И что манжета грязная.

Полкой ниже стояли туфли. Две пары. Одни – из золотистой клеенки, на высоком, не очень тонком каблуке, хорошо поношенные. Другие – разноцветные, замшевые, на вы-

соком, квадратном каблуке, с тупыми носами. Эти – явно из чьей-то прошлой жизни. Сейчас даже купить такие нельзя.

Я глубоко подышала, хотела сесть на диван, но не стала. Быстро запихнула все наши вещи в два пакета и крикнула Марине:

– Марина, я ушла! До свидания!

Я вышла из подъезда. Прошла метров пятьдесят и остановилась. Дальше идти я не могла. У меня было мерзкое, тошнотворное ощущение. Принудительные работы в общественном туалете. Разгребай, смотри, нюхай, ходи по чужой грязи. Ведь кому-то выпадает такое наказание. А за что мне? За мою безысходную любовь? За глупость? За готовность бесконечно унижаться и считать это любовью?

Я постояла несколько секунд и почти бегом вернулась. Марина снова открыла мне дверь, чуть удивленная.

– Вы извините, я положу все обратно. Я... – Я стала совсем некстати плакать, а Марина неожиданно по-доброму приобняла меня за плечи.

– Ничего, ничего, это все пройдет... – сказала она, подняла с пола мою дубленку, положила ее на диван и пошла гладить. Сейчас Марина еще больше была похожа на младшего научного сотрудника в библиотеке иностранной литературы.

Я разложила все наши вещи на свои места – раскидала дрожащими руками, стараясь, чтобы все лежало, как было. Я сейчас уйду отсюда и буду сама себе повторять: «Нет. Я не копалась в чужом белье, я никогда не видела трусов но-

вой Сашиной девушки, я не разглядывала чужие «спальные» туфли, удивляясь, до чего же они старые и поношенные – хорошо выносились на улице или в любовных играх с моим Сашей? Я не искала свои вещи, надежно спрятанные Сашей от чьих-то глаз. Я не заталкивала в пакеты свои выдавшие лучшие дни рубашонки и туфельки вместе с Варькиными мишками и книжками. Мне никогда не придется краснеть, если Саша спросит меня – не стыдно ли мне было копаться у него в вещах. Стыдно. Я зря это сделала».

Закрыв дверцу шкафа, я повернулась, чтобы взглянуть на Варини фотографии, всегда стоявшие на полке.

На полке не было ни фотографий Вари, ни трех-четырёх игрушек, которые она делала ему на праздники, а он ставил на полочку, чтобы смотреть и радоваться. Он все это убрал. Потому что теперь у него в шкафу лежат другие трусы.

Я пошла на кухню, вынула из холодильника свое письмо и драгоценности с запиской в мексиканском стиле, бросила их к себе в сумку. Можно уходить.

Я позвала Марину.

– Я прошу вас, Марина... мы с вами почти не знакомы... У нас с Сашей так все сложно... Не говорите ему, что я приходила. Я не ожидала, что здесь у него кто-то живет. Это совсем не в его правилах...

– Ну почему же, – вдруг ответила Марина. – В его правилах, по-моему, делать все, что он захочет. Ему же все можно. Он так думает, – она негромко продолжала говорить,

составляя в раковину грязную посуду, которую он, вернее, они оставили утром. – Он может все купить, потом сломать или... гм... испачкать, выбросить, купить новое. Может попросить починить или почистить испорченное. Если не получится привести в порядок грязное и сломанное – отдаст бедным. Я вам этого не говорила. Не переживайте. Всё к лучшему.

– Спасибо.

– Идите с богом, не плачьте, – Марина проводила меня и закрыла за мной дверь.

Я ехала на метро обратно и пыталась успокоиться рациональными мыслями: а вот была бы я корыстная, я бы забрала у него какую-нибудь дорогую вещь – в отместку! Хотя на самом деле – нет у него никаких дорогих вещей.

Он живет в квартире, как в гостинице – не заполняет дом ненужными ему картинами, фигурками, статуэтками, подсвечниками, а подарки, которые нельзя использовать утилитарно, он просто передаривает.

То, что он убрал фотографии – объяснимо, хотя и очень погано. Сейчас мысль о Варе будет мешать ему оправдывать свой выбор. Варя – плохая девочка, не уважает папу, всегда на вопрос: «Ты чья?» отвечает «мамина», хотя, разумеется, носит его фамилию. Была поменьше, отвечала «мамина». Ну а чья же она, если только последние полтора года мы жили вместе с Сашей, и то не постоянно. А до этого он прибегал к нам то раз в неделю, а то и раз в месяц. Кто ее растит,

того она и считает родителем.

Мало – участвовать в зачатии, чтобы стать отцом. И мало – дать денег на шоколадку и даже на велосипед. Ни один ребенок за это любить не будет.

Ты не хочешь отвечать на бесконечные вопросы: «Откуда на земле моря?», «А кто придумал Бога, если человека придумал Бог?», «Почему нельзя поймать тень?».

Ты не можешь честно ответить на такой важный вопрос: «Пап, а ты очень хотел, чтобы я родилась?» Ты не уверен, с кем поедешь отдыхать в свой следующий отпуск – с ребенком или с очередной девкой – «как фишка ляжет», во что играть будешь – в примерного отца или в жеребца с чисто вымытым задом.

Так почему же ты требуешь, чтобы ребенок тебя любил? Это ты его люби, за то, что он есть, и за то, что у него нос и уши, как у тебя. А маленькому человеку для любви этого мало. Можно вымуштровать ребенка, как собачку – он будет знать несколько команд «Молчать!», «Слушаться!», «Уважать!» Я знаю, что некоторые отцы именно это называют любовью. Но Виноградов всегда требовал от Вари любви искренней, а не показного уважения. И научить ее этой любви должна была, разумеется, я.

По мне так – пусть Варя уважает и любит меня, насколько я этого заслужу: сколько буду ей отдавать – себя, своей жизни и души, сколько буду терпеть, бить себя по той руке, которая хочет шлепнуть ее, буду ли я трусливо срывать зло на ней,

или же на том человеке, который мне это зло причинил.

И все это она когда-нибудь отдаст своим детям, не мне. Я-то надеюсь на тот свет уйти на своих ногах, как моя бабушка. Для этого каждое утро начинаю с ледяной воды и на ночь не ем мяса, не курю, а главное, все время думаю: что бы еще сделать, чтобы к старости не развалиться, чтобы в один прекрасный день вздохнуть, поцеловать Варьку и уйти. Оставив ее, тоненькую, умненькую, трепетную, растить не похожих на меня внучат.

Бесславно возвратившись домой из Митино, я забрала Варю от нашей эпизодической няни – тети Маши, которая иногда оставалась с Варей на час-другой. Мне пришлось позвонить ей и попросить забрать дочку из школы, потому что я точно опаздывала. Тетя Маша гуляла с Варей на бульваре. Видимо, я плохо выглядела, наметавшись в Митино с пакетами и наревевшись на обратном пути в метро, потому что обычно сдержанная и нелюбопытная тетя Маша спросила:

– Что ты, Леночка, как горем убитая? Не случилось чего?

– Да так... – Мне не хотелось вдаваться в подробности.

Я бы с удовольствием рассказала тете Маше – выборочно – что у нас произошло, но только не сейчас. – Да, тетя Маш... кабы не про нас – был бы мексиканский сериал. А так – горе горькое.

– Умер кто? – не поняла она.

– Нет, муж ушел, Варин отец. Ничего не будет, тетя Ма-

ша, – никакой жизни, никакой семьи... Вот и горе.

Тетя Маша, хорошая простая женщина, поправила Варьке шапку, горестно покивала и ответила мне:

– Не говори так, Лена. Как это жизни не будет? А горе горькое, это вот, знаешь, когда моя соседка по даче тем летом похоронку на сына получила. Проводила в армию, как все... А его на учениях убили, случилось там что-то. Вот она всё лето ходила по участку и в голос выла. Утром просыпались от ее крика. Морковку полешь, помидоры поливаешь, а она кричит, убивается. Есть садимся, а кусок в горло не лезет. Рядом человек с горя кричит, жить не хочет. А ей никто и сказать ничего не мог. Все понимали. Плакали тоже вместе с ней. На своих на живых смотрели и плакали.

Варя, внимательно слушавшая свою няню, взяла меня за руку и взглянула на меня. А мне стало очень стыдно. Стыдно жалеть себя, свою переломанную жизнь и любовь, стыдно плакать о Саше, который заставлял меня издеваться над моей собственной любовью и душой, потакая его затеям и прихотям.

Дома Варя всё поглядывала на меня, ожидая, что я расскажу, почему я совсем расстроенная. Но я не стала говорить о поездке в Митино, села делать с ней уроки, все время думая о том, что надо попытаться забрать наши вещи хотя бы с дачи. Я надеялась, что там не придется копаться в чужих вещах, что туда новая пассия, с которой так увлеченно зани-

мается сейчас сексом Виноградов, еще не добралась.

А зачем мне это нужно? Чтобы внятно обозначить конец наших отношений – и для него, и для себя. Чтобы не оставлять себе трусливой возможности для сомнений.

На дачу ехать мне было труднее. Во-первых, это почти пятьдесят километров от Москвы, а во-вторых... В Митино мы ездили в гости, вещей там набралось – два пакета, как выяснилось. Пять минут хватило, чтобы собрать по дому, две минуты – чтобы разбросать все обратно. Дольше воздуха хватало.

На даче – вещей много. И много было совместной жизни. Там мои клумбы, там кухня, которую я всю спланировала сама, каждый ящичек. Надо еще подумать, что забирать – я же не стану, как мародерка, тащить оттуда кастрюли, подушки, хотя я их и покупала. Не буду срывать шторы, которые шила на руках...

Да и вообще – там на каждом углу воспоминания. Надо было, наверно, чуть отойти, успокоиться, а потом только туда ехать. Но странное чувство толкало меня – ездай, ездай...

Потом, позже, я поняла, почему я так спешила. А в тот день объяснила себе просто – Виноградов сейчас начнет расчищать жизненное пространство для новых игр. Я знаю, видела сто раз, как, не задумываясь, он освобождается от ненужных ему вещей. Или от чьих-то забытых, оставленных то ли случайно, то ли с надеждой. Сбрасывает без разбору в коробку и сжигает. Остатки выбрасывает в лес. Наши вещи

он вряд ли бы сжег – свалил бы их в подвал, где живут мыши и сыро. Мыши от голода осенью съели старый ковер. От сырости погнили все полотенца, забытые на сушилке.

Да и просто – надо ехать. Была бы жива бабушка, посоветовала бы мне: «Не реветь – радоваться надо! Хохотать, что все так вышло!»

Хохотать, бабуля, это вряд ли, но если вдуматься, есть отчего хотя бы улыбнуться, если уж не получается вздохнуть с облегчением и пуститься в пляс.

Я ведь так боялась настоящей совместной жизни с ним. Я хотела ее, ждала и боялась. Я знала, точно знала, что наступит момент, когда ему это надоест. Ему надоест, в первую очередь, я. Бурные интимные забавы и совместные обеды, старательно приготовленные мной, – ненадежная основа для семейной жизни. Мне всегда не хватало сущей ерунды – теплого взгляда, доверительных разговоров, обсуждения наших планов на будущее. Этого не было. И мне становилось страшно.

Есть такая теория – о том, что человек моделирует в голове свое будущее и тогда оно осуществляется. По этой теории нельзя думать о том, что тебя страшит. А то страхи воплотятся в реальные события. В таком случае все землетрясения и шквалы с проливными дождями, а также засухи и заморозки происходят по вине сейсмологов и метеорологов. Не обсуждали бы они возможность холодного лета заранее – может, и солнышко бы светило ярче...

Я-то боялась, потому что слишком хорошо его знала. Я знала, как он может влюбиться. В том числе в ту, с которой он год назад расстался. За четырнадцать лет я пережила несколько расставаний «насовсем» и потом несколько его возвращений. Только одно из них – последнее – было такое серьезное, с предложением жить вместе. И только последнее расставание окажется последним. Потому что вряд ли я когда-то смогу такое простить. Да и годы всё отдаляют и отдаляют меня от Сашиного идеала – вчерашней выпускницы средней школы, смело делающей татуировку и аборт...

Я подумала, что проще всего взять такси до дачи. Это будет недешево, но зато не придется ни с кем из друзей и близких пережевывать, перемалывать снова и снова мою беду, пока мы будем ехать туда и обратно. Ключей от дачи у меня не было. Как-то получилось, что Виноградов мне их так и не дал. Может, оттого, что сама я на дачу не ездила. Ведь у меня нет машины. И, главное, я так и не научилась водить.

Каждый раз, расставаясь с ним, я твердо решала – надо учиться водить и покупать любую машину. Потом появлялся Виноградов вместе с шофером Костей, который и вещи поднесет, и в аптеку сбегает, и Сашины шикарные машины на мойку отвезет, на техосмотр...

И слабая-слабая, корыстная, мелкобуржуазная Лена, позор для прапрадедушки, погибшего на дуэли, и для прабабушки в кумачовом платочке, в очередной раз думала: «Ну, действительно, зачем мне водить? Когда так удобно – села

сзади, обняла Варьку и поехала с Сашей Виноградовым в прекрасное далёко...» А может, к таким дурам, как я, «далёко» и должно оказываться жестоким, чтобы хоть чему-нибудь их научить, чтобы они детей воспитывали по-другому, не по-дурацкому?

Я завезла Варьку к Неле, без объяснений. Хорошо иметь такую подругу. Неля только вопросительно взглянула на меня, я попыталась улыбнуться.

– Все в порядке, Ленусь?

– Да, да. Я приеду часа через три.

Я всучила-таки ей пакет с продуктами, несмотря на ее сопротивление. Варя в гостях может съесть два ужина. И потом дома дня два задумчиво и грустно смотреть на мои обеда-ужины.

По дороге на дачу я додумывала про метеорологов и про жизненные потрясения, которые мы зачастую то ли прогнозируем, то ли предчувствуем. Ведь если случилось то, чего я так боялась – значит, бояться больше нечего. Оно уже есть, хуже не будет. Думала я...

В любом случае теперь мне не предстоит просыпаться среди ночи и представлять себе, как год-другой мы живем вместе, и вот Саша начал приходить домой с бегающими глазами, в дурном расположении духа, запирается в своей комнате и тихо говорить с кем-то по телефону. С кем-то, кто просто моложе, чем я.

Ведь я знаю, что есть мужчины, которым становится неин-

тересна их девушка – и они ничего не могут с этим поделать! – самая лучшая, умная, красивая девушка, как только у нее количество морщинок под глазами начнет напоминать им о том, что им самим, слава богу, пора подумать о душе. А есть еще и такие, кому становится неинтересна самая лучшая, умная, красивая, если они видят ее постоянно перед собой в течение нескольких лет, даже если ей нет еще и тридцати.

Если иметь в виду, что тот же, кто придумал способ продолжения рода человеческого, потом приходил к людям, чтобы сказать: «Вы не так живете! Не надо хотеть чужую жену! И прелюбодействовать не надо! Браки заключаются на небесах, чтобы рожать детей, а потом беречь и любить их и друг друга до самой смерти!», то вероятно, виноваты не легкомысленные мужчины, а ошибка создателя. Или мы как-то неправильно поняли его мысль.

Похоже, мужчина создан так, что ему нужно за одну-единственную жизнь успеть оплодотворить как можно больше женщин, чтобы родилось как можно больше детей. Вдруг кто не выживет, вдруг кого убьют враги... И вообще – с этой женщиной дети талантливые, но больные, а с этой – глупые, но здоровые.

Варианты, варианты... И в результате род человеческий, несмотря ни на что, увеличивается численно, карабкается за пределы Земли и пытается докопаться до мельчайшей частички, из которой создана материя. Все это делают мужчи-

ны, а женщины вынашивают и растят мужчин, которые будут убивать друг друга, зашивать и лечить недобитых, придумывать законы, по которым нужно жить, будут выбирать самых главных, драться за власть, а также карабкаться вверх и вспарывать материю все глубже и глубже: а там что, а что после?..

Но как же быть с моногамной семьей? Действительно это просчет Создателя или мы как-то не так поняли его заветы? Тем более что вовсе не у всех мужчин на земле только одна официально разрешенная жена. Наш Создатель нам велел жить парами, а вот мусульманам, как известно, их Создатель, подозрительно похожий на нашего, повелел жен надоевших не бросать, а кормить вместе с детьми и навещать иногда – по вдохновению...

Может быть, женщине надо терпеть, в том числе измены, терпеть и прощать, а мужчине – стараться прелюбодействовать поменьше, то есть тоже – терпеть, умирять свою неразумную плоть – ради души, ради детей... Попробуй объясни детям в понятных им категориях: «Я больше, чем твою маму, хочу вон ту тетю!» А разве это не критерий? Если чего-то нельзя объяснить детям – не есть ли это плохо?

Таковыми мыслями – умными, глупыми, приблизительными и не вполне объективными, я развлекала себя по дороге на дачу, чтобы не вспоминать, как весело мы обычно ехали этой же дорогой, как Саша ставил музыку и подпевал. Хитом последнего времени была неожиданная песенка. Когда

певец приближался к припеву, Саша набирал полную грудь воздуха и орал вместе с ним: «Я увяз, как пчела в сиропе, и не вырваться мне уже...», задорно поглядывая на меня в зеркальце. А я замирала, как будто он мне делал предложение. Теперь я думаю – с чего это я решила, что сироп, в котором увяз Саша, – это именно я?

Мне надо было приехать часам к девяти, когда сторож Гриша приходит с основной работы охранять дачу. Хорошо, что было уже темно. Я так боялась этой дороги – очень красивой и любимой нами с Варькой дороги, по которой, я это знала, я ехала в последний раз.

Дача Виноградова находится в очень живописном месте. Точнее сказать, все вокруг очень красиво, это окрестности Звенигорода, а конкретный поселочек Клопово, где Саша на большом заболоченном участке построил себе хороший теплый дом – место гиблое.

За забором начинается непроходимая чащоба из огромных сосен, перемежающихся дубами и вязами. В чащобе летом очень много клещей, и она, из-за своей полной непроходимости, используется хозяевами окрестных коттеджей как свалка мелкораздробленной газонокосилками травы. Так что лес постепенно превратился в коллективный клоповский компост, вонючий и неприятный. Кто-то туда сваливает и просто мусор – а какая разница, все равно лес непроходимый.

Летом на Сашином участке с половины дня темно. Дом

расположен слишком близко к лесу, солнце уже с четырех-пяти часов заходит за лес, и к даче из чащобы устремятся тучи комаров и всяких гнусов.

Но все равно мы с Варей очень любили эту дачу, потому что жили там вместе с ненаглядным когда-то Виноградовым. Выращивали розы, лилии, ирисы, тюльпаны и огромное количество однолетников – возня с рассадой начиналась уже в марте.

Любой садовод знает, как трудно зимой устоять перед пакетиком семян, на котором нарисован прекрасный цветок. Ведь знаешь – не стоит, любую рассадку можно будет купить, хорошую, откормленную, здоровую, но так хочется в феврале начать выращивать свой будущий сад, почувствовать на мгновение запах весны и лета, до которых еще жить и жить...

Если в марте насыпать семена во влажный грунт, прикрыть кусочком целлофана или стеклышком, опрыскивать водой, потом, когда появятся первые росточки, убрать стеклышко и каждый день, поливая, следить, как подрастают будущие прекрасные петунии, виолы, бархотки, астры... А потом в начале мая высаживать вытянувшиеся ростки в землю, удобрять, окучивать, пропалывать и, наконец, дожидаться первых бутонов. И – оторвать их, чтобы на их месте выросли пышные веточки, на каждой будет уже по два бутона. Для детей, особенно для девочек – это ничем не заменимая школа природной жизни. Бабочки, жуки, червяки... Благородные цветы и растущие как по волшебству вредные сор-

няки. А также сорняки лекарственные...

Про огород и связанные с ним радости лучше вообще сейчас было не думать. Я на этом попалась. Зря я начала вспоминать, как совсем маленькая Варька собирала пухлыми пальчиками – даже у худеньких детей пальчики имеют нежную, младенческую припухлость – молодой горошек, расковыривала стручки прямо на грядках и, приговаривая «А ну-ка мы сейчас поп’обуем...», отправляла их в рот и жевала со счастливой улыбкой...

Однажды я спросила Виноградова, все тужившегося оплодотворить меня во второй раз:

– А зачем тебе еще один ребенок?

– А что? Пусть ползает...

Мне не хотелось тогда ссориться. Но вообще-то надо было сказать ему, что дети не только ползают. Они еще хотят, чтобы с ними играли, по возможности весь день, чтобы их держали за руку, пока они не уснут, и мчались к ним по первому зову, когда они проснутся. Они хотят слышать понятные им ответы на вопросы про море, про тень, про Бога, про любовь... Они повторяют эти вопросы, взрослея, и хотят слышать другие ответы – более взрослые, но так, чтобы новые ответы не противоречили старым – они помнят их всю жизнь. Да, и еще дети болеют. В самый-самый неподходящий момент.

Когда я доехала до дачи, мне позвонила Неля и испуганно сказала:

- Ленусь, ты только не волнуйся, но у Вари температура...
- Какая?
- Высокая...
- Какая?!
- Почти тридцать девять...
- Что болит?
- Голова...
- О, господи... Но я назад уже не поверну... Сыпи нет?
- Да вроде нет...
- Слушай, дай ей жаропонижающее.
- Да я уже дала, а температура только растет...
- Господи! Нелька... вызывай неотложку, ладно? Вызывай! Я быстро все покидаю в сумки и приеду! Хорошо?
- Конечно, ты только не волнуйся...

Золотая Нелька. Компенсация за отсутствие мужчины-опоры. Золотая подруга, которой я плачу черной неблагодарностью. Иногда забываю поздравить с днем рождения, потому что у нее он очень неудобно расположен – между днем смерти моей бабушки, когда мама плачет, звонит мне, и мы едем на кладбище, и днем нашей встречи с Виноградовым, когда плачу я одна, и редко-редко мы празднуем его вместе с Виноградовым. Праздновали... Тогда уж я забывала все. Тьфу!..

Сколько же надо вылить на голову одной, отдельно взятой женщине, чтобы она перестала произносить даже мысленно фамилию человека, который... Хотя я понимала – мне жаль

своей любви, и снится мне уже не он – снится мне, как я его любила. Потому что любить его сегодняшнего – это издевательство над здравым смыслом, над собой, над своей душой. Ты мне в морду плюешь, а я – люблю. Ты мне... а я...

Чуть позже я поняла, почему же Виноградов меня не отпускал, почему цепко держал в снах и совершенно неожиданно вспоминался днем. Но это случилось только через некоторое время.

Виноградов, Виноградов, свет моих очей. Тот, бывший, из молодости, которого уже нет. Как же мне больно было расставаться с моей любовью, с надеждами, с воспоминаниями... Как больно было за Варьку, напутствовавшую меня перед поездкой:

– Гнома не забудь!

Гнома, исправно приносившего ей подарки и шоколадки в красном заплечном мешке. Это придумал Саша, а Варька поверила, что пока ее на даче нет, гном готовит ей подарки и ждет ее приезда.

Я ей про этого гнома уже года три рассказываю «сериал». Варька обожает бесконечную историю про девочку Соню, очень на нее похожую, у которой жил гном. Надо бы, наверно, попробовать ее записать, но я просто не понимаю, как люди находят время, чтобы писать книжки. У меня, например, иногда не остается времени, чтобы сделать приличный маникюр, и я делаю аккуратный «маникюр пианистки», чем бешу Виноградова, который любит, чтобы грудь при ходьбе

слегка раскачивалась (есть такие лифчики, в которых груди даже первого размера призывно покачиваются), а ногти при взгляде на них обещали бы острые ощущения заинтересованным мужчинам.

Не бешу, а – бесила! Не любит, а любил... Не надо про это думать! Вообще не надо! Это унижительно и глупо, и расковыривание собственных ран. Лучше про Варьку. Это тоже больно, но так не унижает.

– И книжки мои все-все собери... «На восток от солнца, на запад от Луны» – под бильярдным столом валяется. Я там ее читала в прошлый раз, когда вы с папой играли...

Не в прошлый раз, дочка, а в последний.

Я подыгрывала Виноградову – делала вид, что никак не научусь играть. Бильярд подарили недавно, все вокруг играть умеют – а он вот нет. Да еще я быстро учусь, а у него никак ни один шар в лунку не попадает. Ну как же так! И Саша всё сердился на Варьку, сидевшую под столом и оттуда безо всякого уважения к отцу кричавшую:

– Мимо! Мимо!

Нужно по всему огромному дому и в двухэтажной бане собрать все Варькины книжки. Она знает все свои книги и вдруг решает, что сегодня ей необходимо прочитать про великана-одноглаза, а вчера – надо было про волка, который стал теленочку мамой. И всегда упорно ищет именно ту книжку, которая пришла ей в голову.

После того как мне позвонила Неля с сообщением о Варь-

киной температуре, я вообще толком ни о чем думать не могла – ни о гноме, ни о книжках, ни о сыче Виноградове, из-за которого вся эта свистопляска. Мне хотелось как можно быстрее собрать вещи и попасть обратно в Москву.

Подъехав к даче, я набрала номер дачного телефона. Виноградов удачно поставил себе там московский номер. Высокий забор не позволял увидеть, горит ли свет в пристройке сторожа. Он так долго не поднимал трубку, что я уже решила, что придется его ждать. Но вот наконец услышала недовольное:

– Ало!

– Гриша, добрый вечер, это Лена. Вы не могли бы открыть мне ворота? Я тут... кое-что привезла.

– А-а-а... да... – Похоже, он уже спал. – А у вас нет ключей?

– Нет, так получилось...

– А-а-а... ну сейчас...

Гриша с некоторым подозрением посмотрел на водителя «Жигулей», с которым я договорилась, что он отвезет меня туда и обратно.

– Гриша, это просто такси. Я тут кое-что привезла по хозяйству.

Я захватила с собой огромный пакет, где лежали недошитые шторы для каминного зала. Глупостями заниматься, отдавать новый компьютер с хорошим большим монитором я не стала, увидев, насколько плотно занят Саша другой, – что

ему мои символы и знаки, что ему моя гордость и принципиальность – теперь...

Я помахала пакетом с чудесным полупрозрачным тюлем, в котором были продернуты неровные золотые нити вперемежку с грубыми, как будто вытасченными из рогожи, с узелками и неровностями.

– Вот, Гриша, я привезла новые шторы... повешу, наверно...

– А-а-а... ну да...

Бдительный Гриша удостоверился, что шофер останется ждать меня в машине. На всякий случай сторож взял лопату и стал подгребать снег на аккуратно расчищенных дорожках. Я слышала, как он чистит снег, пока собирала вещи.

Я не ожидала, что это окажется так тяжело. Вещей было гораздо больше, чем я предполагала. Потому что мы там жили. По неделе, по два месяца, по три дня, приезжали на праздники. Я и не думала, что дача стала моим вторым домом – я просто об этом не думала, жила и мечтала о том, что посадить следующим летом, переживала, что плохо растет девичий виноград в тени у крыльца, и радовалась, как разрослась плетистая роза с нежными тяжелыми цветами на тонких гибких стеблях.

Там всегда было странное состояние оторванности от всего мира, покоя и – у меня лично – счастья. Я уж не говорю про Варьку, носившуюся летом босиком по газону, а зимой по огромному каминному залу на первом этаже, Варька, ко-

торая, научившись ходить, сразу научилась делать это осторожно, имея в виду габариты нашей с ней квартиры.

Я собирала вещи и всё раздумывала – не положить ли Саше на подушку нашу фотографию из предпоследней поездки – мы все трое стоим по щиколотку в Красном море... Очень трогательно и глупо.

...Мы лежали на животах на краю моря, там, где волна набегает на песок. Варька плескалась рядом. Саша счастливо поглядывал на меня, собирая камушки и кусочки белых и красных кораллов. Я тоже искала красивые обломки, похожие на разные фигурки – вот голова кота, вот веточка, вот растопыренная ладонь.

«Смотри!» – одновременно воскликнули мы и протянули друг другу: я Саше – кусочек темно-розового коралла, похожего на сердечко, он мне – выразительный желтоватый фаллический символ в состоянии готовности. Вот и ответ. Просто мы дарили друг другу разное.

Но разве посмел бы мой прапрадедушка-корнет, тот, что писал слово «честь» через «ять», предложить своей любимой «руку и фаллос»? Если бы дожил до свадьбы...

Я все-таки решила положить фотографию, может, Саша вспомнит, как мы были там счастливы – все трое. Как ждала Варька огромного оранжевого мишку, который по вечерам приходил на детские танцы, как она дружила с маленькими французенкой и испанкой – объяснялись они улыбками и взглядами, и, глядя на них, я понимала о жизни что-то, чего

раньше не знала. Или забыла.

Вспомнит, как он пытался читать мне вслух днем, пока спала Варька, поддельные записки Пушкина, выпущенные каким-то «левым» издательством, повествующие о слишком вольных забавах поэта в очень откровенных словах. Книжку подарила я ему сама, схватив на бегу в книжном магазине, поверив в название «Неизданные дневники Пушкина». Кто же знал, что издателю придет в голову предлагать нам книгу с подробным описанием разнообразных соитий, пусть даже и якобы с участием Александра Сергеевича, большого озорника и ловеласа... Когда мы поняли, что это за книжка, мы вместе смеялись, вместе и выбросили ее.

Или вдруг вспомнит, как однажды сказал Варьке, поглядывая на меня с нежностью: «Дочь, а давай попросим нашу красивую маму, пусть она нам еще братика родит... или сестричку?» Варька очень удивилась и обрадовалась, что такое вообще возможно, а я испугалась...

Может, он вспомнит, какой раскаленный был песок на пляже и холодное море, в которое сначала невозможно зайти, а потом невозможно из него выйти. Мне кажется, именно на Красном море я впервые поняла – когда-то очень давно человек плавал не меньше, чем ходил по земле...

Вспомнит и разыщет в ящиках мой подарок на его день рождения, который мы праздновали там, – настоящую золотую монету, очень тонкую, специально предназначенную для тех, кто хочет навеки быть вместе. Разломи монету, подари

любимому половину, возьми себе вторую. И храни ее, надеясь, что и он свою хранит...

Я зашла к Саше в комнату, подошла к разложенному дивану, а там лежали, уютно прибившись друг к другу, как жирные поросятки, две пухлые подушки. То есть он уже был так кем-то тронут, что даже пустил ублажающую его особу спать в свою келью. Знак влюбленности.

Потом я поняла, что влюбленные спали и на нашей новой с Варькой кровати, в нашей комнате наверху.

Странно было отвести нам с Варей из семи имеющихся комнат одну, общую. Наверно, со стороны непонятно, почему я на это соглашалась. Мне казалось – неловко, нескромно просить его еще об одной комнате. Со временем все образуется, думала последовательница девушки Сольвейг, простоявшей у берега моря до самой старости в ожидании любви...

Я сунула фотографию в пакет с вещами. Не забыть вовремя объяснить Варе, что женщина не должна ничего *просить* у мужчины, который имеет счастье жить с ней. Может, требовать и не надо, но и не стоит соглашаться на унижительную роль приживалки.

Я ничего не могла поделать со слезами, которые мешали мне видеть. Я то и дело снимала очки, протирала стекла, ходила умываться и собирала нашу с Варькой неудавшуюся буржуйскую жизнь в большие икейские пакеты.

Попутно я писала ему записки. «Будь счастлив, если сможешь» – записочку с этой сакраментальной фразой я сунула

прямо в постель. «Предатель. Ты помнишь, за какое место вешали предателей в Древней Греции?» Их, кстати, вешали за самое обычное место – за шею – во все времена. Но Виноградов явно подумает что-то другое. И... И что? Я на секунду остановилась. Зачем я это написала? Потом махнула сама на себя рукой – ну написала и написала, неужели же сейчас редактировать? Мне надо спешить. Положу в холодильник, сам разберется. На кухне, где висели недавно сшитые мной изумительно красивые занавески и лоснилась гладкими боками новая мебель с медными ручками и медной духовкой, мне было особенно гадко.

Всего лишь месяц назад, прихватив бледно-зеленую от недостатка чистого воздуха Варьку, я носилась по салонам, выбирая мебель и всякую ненужную ерунду. Не знаю, сколько часов мы провели с меланхоличным дизайнером на Рижской, пока не нарисовали нужную конфигурацию. Мы приехали туда с Варей три раза. Варя покорно сидела и читала, еще по-детски водя пальцем по строчке, а я – горела над проектом. Проектом будущего счастья за трехметровым забором в дачном поселке Клопово...

Я огляделась. В доме, наверно, все. Вещей набралось столько, что непонятно, как все это запихивать в старенький «жигуленок», на котором я приехала. Его багажник не рассчитан на перетаскивание старательно укомплектованного счастья с места на место. Все купила – и дубовый шкаф, (его я, разумеется, не потащу – некуда), и коврики, и занавески.

весочки, и медные кронштейны... Что-то самое главное я, видимо, упустила, укомплектовываясь.

Я подошла к полке с иконками, которые Виноградов исправно покупал в соседнем монастыре, заходя туда раза два в год – помолиться, свечку поставить. Зачем? Я всегда смотрела, как он судорожно стаскивает шапку в церкви, и думала – вот сейчас он зажжет свечку перед иконой и – о чем подумает? О чем попросит? Я так и не поняла, о чем же Виноградов на самом деле мечтал. А это очень плохо.

Я написала: «Ты сам себя предал», запихнула бумажку за ремень висящего на стене каминного зала телевизора. И решила на этом остановиться.

Бумажки я вырывала из тетрадки в клетку, в которой рисовала Варька. На верхней странице перегнутой тетрадки корявым старательным почерком было написано «М/С», а ниже шли цифры. Это мой Саша Виноградов играл в домино с котенком по имени «М», а котенок рукой, которая никогда не писала конспекты в институте, отмечала счет. Наши руки – не для скуки, для любви – сердца... Наши руки – не для скуки, расстегни-ка, дядя, брюки... Ужас. Ужас! Это я так смешу сама себя, чтобы не было слишком грустно? Когда, почему я стала такой пошлой? Потому что четырнадцать лет смотрела на мир сквозь человека по имени Саша Виноградов? Сквозь его желания, его приземленный юмор, его привычки хорошо отмытой дворняжки?

Я знаю, что прощаться с домом – как с человеком. Я пом-

ню, как уезжала из маминой квартиры, в которой выросла. Мне было тошно и плохо, я долго скучала о своей комнате, об окне, из которого открывалась панорама Садового кольца, о березе, стучавшей в ненастные дни ветками о мой подоконник. А в моей новой квартире в окно были видны трубы теплоцентрали. С годами я научилась в холодное время года без градусника определять прогноз погоды – по тому, как дымят трубы. А потом перестала замечать дым, и поняла, что, кроме труб, в мои окна видно небо строго на восток. Поэтому при желании можно, сидя у окна, встречать рассвет. И подросли деревья у подъезда и тоже стали стучать о подоконник...

Я смотрела на заиндевевший газон, на покрытую инеем маленькую альпийскую горку, которую мы с Виноградовым сами сложили в прошлом году. И как будто видела себя беременную, сидящую на корточках у горки и старательно выковыривающую сорняки, растущие гораздо быстрее моих любимых цветов. Увидь, представь – и сбудется? Сбудется, то что-то иное.

Сейчас в доме было пусто, а я слышала Варькин смех, как она, спрятавшись в шкафу, все ждала, ждала, что я ее найду. А я не нашла – и забыла. И она стала смеяться, в закрытом шкафу. А вот здесь она обычно разгонялась и с разбегу прыгала на Виноградова, сидящего в глубоком кресле.

Я вернулась к полке с иконками – ведь что-то я здесь хотела, зачем-то подходила... Да, конечно, здесь стояли совы.

Две хрустальные совы, разные – одна поизящнее, в очках, другая – покржистее. Они стояли на зеркальной подставке, а рядом с ними лежала тоже хрустальная открытая раковина, внутри нее – настоящая перламутровая жемчужина.

Эту композицию я придумала сама, купив все по отдельности, в Греции, где мы как-то отдыхали с Варькой, а Саша звонил и звонил, пять-шесть раз в день, беспокоился, ревновал, скучал. Обеих сов с жемчужинкой я подарила Виноградову. Но оставлять здесь, чтобы он их попрятал, как Варькины фотографии в Митино... Я сняла с подставки кряжистую сову и поставила ее на полку в одиночестве. А жемчужину в раковине и вторую сову – забрала, вместе с подставкой.

Я знала, что все мои символы и послания – пионерский лагерь. Но уж если я не бью морду за такое гнусное предательство, могу я хоть как-то выразить себя! На кнутики, кандалы, маски и лакированные черные ботфорты на шпильке я не решилась, так же как на свальный грех, наверно, по той же причине. Представляю, какие записочки я бы писала после этого. Хотя не исключаю, что могла бы после этого всю жизнь просидеть в уголке светлой палаты с видом на сосновый бор, разматывая разноцветные ниточки и хихикая.

Я проверила все комнаты, подвал, кухню, ванную. Вроде все. Потом мне пришлось выйти во двор и пойти в баню – там, на втором этаже как раз располагается бильярдная. Гриши во дворе уже не было. Успокоился, наверно, решила я. И услышала в кармане звонок мобильного.

– Ты, Воскобойникова, что там делаешь? – Виноградов говорил тихо, это ничего хорошего не предвещало.

– Где?

– А там, где ты что-то сейчас делаешь. Явно не то. Прекрати это.

– Саша, я собираю свои вещи. Наши с Варей книжки. Ее игрушки. Вот сейчас, например, я поднялась в бильярдную...

– Вот как поднялась, – прервал он меня, – так и спустишься. Положи все, что собрала, и мотай обратно.

– Почему?

Мне не стыдно признаться, что я надеялась услышать: «Не занимайся глупостями, вы еще приедете на дачу. Я вас люблю, я идиот, мне вскипевшая сперма ударила в голову, я временно потерял рассудок, а теперь все будет хорошо».

Но он сказал:

– Не надо ничего забирать у меня в доме, когда меня там нет.

– Саша, ты же не думаешь...

– Я ничего не знаю и не думаю. Уезжай.

– Саша...

– Лена!

– Я специально приехала для этого. Я возьму только свои вещи. Да и потом – что за ерунда! В конце-то концов! Что у тебя брать! Газонокосилку?

– Почему нет? Я... – Он набрал воздуха в легкие. – Я

ненавижу твои демарши! Убирайся оттуда! Приедешь, когда я разрешу!

– Нет.

– Да! Да! Я тебя предупреждаю...

Я отключила телефон. Собрала в бане Варькины книжки, раскиданные по двух этажам. Только бы дотащить все это! Мне осталось найти холодильную сумку, которая точно была в подвале. Мне так не хотелось туда спускаться, наверняка сейчас там замерли мыши, и одна обязательно откуда-нибудь выскочит, когда я начну перекладывать вещи. Молодец я, что не оставила здесь наши летние наряды, почему-то все сложила и увезла, без всякой задней мысли. Почему? Эзотерикой увлекаться было некогда, где-то шуршали мыши, или мне так казалось, а сумки нигде не было видно.

Дом у Виноградова деревянный, в нем очень хорошо дышится и очень хорошо все слышно. Поэтому я сразу услышала шаги на веранде и открывающуюся входную дверь. Шаги нескольких человек.

– Где она? – голос был не Гришин.

Потом я услышала, как Гриша что-то негромко ответил.

– Ага, ну подождем. Эй, выходи, ты где там примерзла?

Первое, что мне пришло в голову, было так невероятно... Да нет... ну глупости какие! Мы же интеллигентные люди. Некоторые из нас очень запутались, стремительно развратились легкими деньгами, но при чем тут это?

Я спокойно взяла холодильную сумку, забыв про то, что,

скорей всего, в ней-то и сидела мышь, и с отчаянно бьющимся сердцем поднялась по крутой лестнице из подвала.

– Сумочки оставь, руки за голову и лицом к стене!

Свет моих очей Саша Виноградов вызвал полицию, либо посоветовал Грише ее вызвать. Не сам же Гриша сподобился на такое... Только гораздо позже я вспомнила, что сын у Гриши служит где-то здесь в местном отделении. Может, это он и был? Со товарищи... Но мне от этого было не легче. Есть большая разница между телевизионной полицией и настоящей. В телевизоре районных участковых играют выпускники московских и питерских театральных вузов, и нигде и никогда им не деться от печати цивилизации на лицах. Все эти мальчишки из-под палки, но читали Овидия, Брехта, Шекспира – и вслух, и про себя. Сейчас же на меня смотрели две морды – полупьяные, наглые, тупые.

– Тебе, блин, сказано – руки за голову! – один стал расстегивать кобуру. Что у него там в кобуре, у полупьяного и тупого, я не знала, но наверняка что-то, из чего он может прострелить мне руку, ногу. Мою глупую голову...

– Оружие на пол не бросать? – попыталась пошутить я. – Ребята, да вы что, в самом деле!.. Я же хозяйка дома!

– Какая ты, мать твою, хозяйка, – неожиданно вмешался носатый худенький Гриша. – Уводите, уводите ее, воровка она – вон, набрала...

– Гриша, да вы что, с ума сошли? Какая я воровка... да посмотрите, что у меня в сумках – мои вещи и дочкины, беру

в Москву, чтобы постирать...

На лице у одного возникла тень сомнения. Я увидела это и постаралась убедить его. Я сделала шаг в сторону, к сумке.

– Стоять! – заорал первый и опять потянулся к своей дурацкой кобуре. – К стене, сказано!..

Я повернулась к стене. Мне было видно, как второй, который засомневался, подошел к моим сумкам и ногой пошуровал в них. Из одной вывалилась старая компьютерная мышь, моя собственная, от моего собственного ноутбука.

– Ну, ясно, – сказал он. – Ладно, давай, пошли, – он весьма ощутимо пнул меня в спину.

Я повернулась к нему. Какие плохие глаза, ну какие плохие... Ничего ему не объяснить, он ничего не слышит.

– Куда?

– В отделение! «Куда»! Туда!..

У меня стало горячо в голове и снова затошнило. Варька...

– Я не могу... У меня дочка заболела... У нее температура...

Сержанты заржали.

– Ой-ё, ну ты еще чего-нибудь скажи... Давай, двигай копытами...

– Да у меня такси во дворе стоит...

– Видели мы, как мужик какой-то линиял! Это с тобой был?

Я не понимала, валяли они дурака, лениво и нагло – за деньги, им обещанные, или действительно думали, что я во-

ровка. Я не знала, как мне с ними себя вести. Если сейчас меня запрут до утра – пока придет какой-нибудь местный следователь, – что я буду делать? Варьку отвезут с температурой сорок в больницу...

– Послушайте... я журналистка, я в ТАССе работаю... Хотите, позвоните..

– Ага, а я – Леонид Якубович! – это сказал тот, второй, который сомневался.

– Возьмите мой телефон, в сумке, пожалуйста, позвоните... Я скажу вам свой адрес, телефон, московский...

– Да на хрена нам твой телефон... Разве что в гости пригласишь! – он переглянулся со вторым. – А, Федотыч?

Бред происходящего был очевиден. Меня уже заталкивали в полицейский газик. Сумка моя осталась на даче. В сумке – деньги, ключи от квартиры, мобильный телефон.

– Возьмите мою сумку, пожалуйста. Там ключи, телефон.

– Паспорт, да?

– Паспорта нет. Но... Я вам заплачу. В смысле – компенсирую неудобство. За ложный вызов.

– Ишь ты!..

Неожиданно я услышала в голосе «да».

– Пожалуйста. Моя сумка лежит на кухне. Кажется...

Сержанты переглянулись. Отошли. О чем-то поспорили. Сколько, интересно, предложил им Виноградов? То есть Гриша от Виноградова... Скорей всего, он вообще ничего не предлагал. Просто Гриша позвонил сыну, и тот попросил

своих приятелей меня попутать, чтобы неповадно было.

– Послушайте, я ведь правда жена хозяина, просто мы поссорились, я вещи свои решила забрать, у него любовница, а... у меня дочка... Вот ее качели... Дочку зовут Варя... она заболела... Я – Елена Воскобойникова, журналистка... Вы посмотрите все вещи... там Варины майки и мои... а мышка от компьютера тоже моя... Я могу ее оставить... – Я говорила все подряд, быстро, надеясь, что хоть что-то попадет в цель.

– Слушай, не тринди. Вылезай обратно, иди за своей сумкой, – неожиданно сказал первый, который все хватался за кобуру.

Я быстро пошла к дому и становилась.

– Но... у меня нет ключей.

– Как же ты в дом попала, «хозяйка»?

– У меня... муж ключи отобрал. Гриша мне открыл. Мы же поссорились с ним. В смысле – с мужем.

Они опять переглянулись. Второй, «хороший», отправился за Гришей. Гриша пришел, не глядя на меня, открыл дверь. Мне показалось, что ему очень стыдно. Я сходила за сумкой, достала на кухне все деньги, какие там были – не густо, – две тысячи рублей, те самые, что я должна была заплатить шоферу, и еще пятьсот рублей и двадцать долларов. Но мне же надо еще добраться до Москвы. До электрички здесь пешком минут двадцать всего, но ходят эти Звенигородские электрички раз в час, тем более вечером...

Я подошла к полицейским.

– Вот, спасибо за... доверие... – я протянула им по тысяче.

Этого точно было мало за доверие, я сразу это поняла и протянула еще двадцать долларов. Я бы дала и Грише, за его жалкую душу лакея, но мне надо было оставить деньги на обратную дорогу.

– Я возьму вещи, свои вещи?

Сержанты посмотрели друг на друга, на меня и оба отвернулись.

– Пойдемте со мной, если хотите... Только там, у нас, и брать-то нечего. Телевизор и газонокосилку, и та в сарае стоит. А! Есть кое-что! – Хорошо, что я вспомнила.

Когда я вышла с сумками, навешанными на одну руку, обнимая другой четыре бутылки прекрасной водки и бутылку невероятно дорогого коньяка, который Виноградову подарили на Новый год, полицейские разулыбались. Ну, вот и хорошо. Они попытались со мной проститься, но тут уж я их попросила довести меня хотя бы до ближайшего шоссе, где я могла бы поймать машину.

– А чё, Санек, смотаемся до трассы? – это предложил тот, что мне чуть было не поверил с самого начала.

– Ну давай, – ответил тезка Виноградова, пытаясь аккуратно пристроить запотевшие бутылки водки под сиденьем.

Я вытащила их из морозильника, где они хранились вместе с маленькими стаканчиками. Водка должна быть ледя-

ная, к ним – замороженные стопочки, а сердце подавальщицы, жаждущей необыкновенного секса – горячее.... Руки же – свободные, без обручальных колец, и пустынная голова, чтобы Виноградов мог вдуть туда любую милую ему на сегодня мысль. И выдуть, как только она ему становилась неактуальна, его собственная мысль в совершенно посторонней голове.

– Лена! – мне опять звонил тезка милиционера Санька, Виноградов Саша. – Варька заболела. Ты знаешь? Почему ты не с ней?

Я привыкла к его поворотам на 180 градусов, на 360, но, видимо, для того дня мне было многовато. Я не смогла даже сначала что-то ему ответить.

– Я спросил тебя, почему ты не с Варей, у которой температура сорок?! Мне звонила Неля.

– Но я же в полиции, как ты и просил, – я покосилась на сержантов, которые везли меня сейчас до трассы. Но они, похоже, перестали мной интересоваться.

– Ваньку не валяй! Я с Гришей только что разговаривал. Ты вещи забрала напрасно. Ну, я увлекся. И что?

– Да, понятно.

Ему, видимо, показалось, что мне это на самом деле понятно.

– Нам всем нужно просто глотнуть свежего воздуха. Понимаешь, Ленка...

– Нам всем – это тебе?

– Да, мне. Зачем ты забиваешь гвозди? Может, все это закончится через пятнадцать минут, а может послезавтра.

– Мне ждать до послезавтра?

– Тебе просто – ждать. И не делать резких движений. Тебе сказано было: «Замри!» А ты – что?

– Сколько ждать, Саша?

– Не знаю. Месяц, два. Три...

– А чего ждать? Свадьбы вашей? Чтобы ты пригласил меня развлечь повара? Раз уже на другое не гожусь.

– Слушай, Воскобойникова, а что, по-человечески нельзя расстаться? Без грязи?

Я не знала, смеяться мне или плакать, это Саша говорит – мне! У меня вырвался нервный смешок.

Виноградов коротко и грязно выругался и отключился. А мне – уже второй раз за сегодняшний день – вдруг нечем стало дышать. Я хватала воздух, вонючий и перегретый, и судорожно искала в сумочке нашатырь. Перед глазами поплыли черно-зеленые круги и сильно зазвенело в ушах. Я резко вдохнула нашатырь, еще раз и еще, натерла им виски, и через минуту мне стало легче. Я набрала номер Нели:

– Нель, Виноградову больше не звони, с ним не разговаривай, я буду через час. Как Варя?

– Лучше, ой, слава богу, получше, приезжала Скорая. Говорят, такой сейчас грипп – ничего нет, а температура высокая. Они сделали укол, температура стала снижаться, она вроде уснула. Тяжело дышит очень только.

– Хорошо. Спасибо, Нелечка, я еду. Спасибо тебе.

Полицейские довезли меня до шоссе, терпеливо подождали, пока я вытряхну все свои вещи, и уехали.

Минут пятнадцать не останавливался вообще никто. И понятно – ночь, стоит женщина с вещами. Что там у нее в вещах? Или кто?.. Потом притормозил какой-то парень, взглянул на меня, видимо, я ему не понравилась, а должна была понравиться, и ни слова не говоря, он газанул.

А потом остановилась совершенно роскошная иномарка. Обычно, когда я вижу такого класса машину, то даже опускаю руку. Но тут я стояла и голосовала – я могла бы поехать и на грузовике, и на телеге, и в багажнике «Запорожца». Но остановился новый «BMW». Даже в темноте было понятно – машина белоснежная. За рулем сидела женщина. Надо же, не испугалась останавливаться на трассе ночью.

– Куда вам? – она внимательно посмотрела на меня и улыбнулась.

– На Речной вокзал. Это мои вещи...

– Да, понятно. Садитесь. Сейчас я открою багажник.

Она даже вышла, помогла мне затолкать пакеты и сумки в пустой багажник.

– У вас что-то случилось?

– Нет. То есть – да. То есть...

Она улыбнулась:

– Понятно. Развод по-итальянски?

– Да где уж там! Всё по-нашему, по-простому. При разво-

де получаешь в морду, судорожно бросаешь помаду в сумку и оказываешься ночью на трассе.

– Это всё ваши помады? Там, в сумках?

– Еще книжки моей дочери.

– А сколько ей?

– Семь.

– А у меня нет детей. И вряд ли уже будут, – спокойно и доброжелательно проговорила женщина и посмотрела на меня в зеркало заднего вида. – Вы плачете? Хотите, пересядьте вперед?

Я вытерла дурацкие слезы, которые вдруг, ни с того ни с сего покатались у меня по лицу. Наверно, спало невероятное напряжение, в котором я находилась весь вечер. Ну, и опять же про разноцветные помады подумала, которыми развлекала Виноградова. Стыдно, глупо, жалко.

– Да, спасибо, пересяду, меня сзади в хороших машинах укачивает.

– Не переживайте, мужчины этого не стоят.

Я первый раз внимательно взглянула на нее. Ей было лет... непонятно. Может быть, сорок пять, может, пятьдесят три, а может, и тридцать пять... Очень ухоженная, очень красивая женщина. Но никуда не денешь прожитые годы. Натуральная блондинка, это видно. Но сейчас, скорей всего, уже красится, чтобы скрыть седые волосы. Слишком гладкие веки – наверняка, не без помощи хирургии. Прямая спина, привычка тянуть и без того длинную шею вверх, длинные

стройные ноги... Надо же, нет детей. А муж? Я взглянула на правую руку. Она заметила мой взгляд.

– Последний раз я была замужем одиннадцать лет назад. Оказался таким убогим дурачком, что с тех пор я... – Она посмотрела на меня, улыбнулась и не стала продолжать мысль. – Чего только не делал, чтобы сохранить свою драгоценную потенцию! Натирал на ночь чесночной мазью, делал контрастные ванночки, по утрам в воскресенье обкладывал прошпаренным капустным листом и так лежал. Мыл свои сокровища только японским мылом с натуральным шелком. И при этом у него по разным городам голодали дети – неприятный результат приятных занятий. Я как вспомню въевшийся чесночный запах, который ничем нельзя было вытравить из моей спальни!

– Да-а... – Я не знала, что сказать в ответ, чтобы поддержать такой разговор.

– Меня зовут Ольга, – она опять улыбнулась.

И я вдруг подумала, – точно, ей еще нет сорока... Просто что-то в ней было такое...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.